

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Пояс
Ориона

Татьяна Устинова
Пояс Ориона

«Она слышала только рёв собственной крови, и он казался ей грохотом. Так грохочет и ревьт надвигающийся скоростной поезд в ночном кошмаре, когда почему-то нельзя шевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы спастись, отползти с рельсов. Но в кошмаре было не так страшно, была надежда – вот, ещё чуть-чуть, последнее усилие и удастся пошевелиться, и ужас отступит.

Никакой надежды. Никакого сна. Всё происходит здесь и сейчас – наяву.

Она вдруг мимоходом удивилась – ну да, наяву. И именно с ней. В эту минуту.

Она прислушалась, но из-за пульсации и стука в ушах ничего не было слышно.

Она сглотнула сухую, как папиросная бумага, слюну, помедлила и выглянула из своего укрытия.

Ничего не видно, только плотный серый туман висел над берегом. Наверняка в такой оглушительной тишине рёв её скоростного поезда слышен издалека, и он её выдаст!..

Она вновь прижалась спиной к стене старого лодочного сарая.

Медлить нельзя, нужно спастись, но как, как?..

Впереди река, но её не переплыть, не одолеть течение и водовороты. Дальше по берегу, кажется, камыши и болото, не выбраться. Назад никак нельзя, там... они.

Остаётся сарай.

Очень осторожно, перебирая по влажным шершавым доскам обеими руками, словно слепая, она двинулась вдоль стены. Лишь бы не сломалась под ногами ветка, не скрипнула предательски старая доска!..

Щелястая дверь держалась на одной петле и была зачем-то подперта доской, но внизу оставался проём. Она стала на четвереньки и проворно забралась внутрь.

Здесь тоже висел туман, напозвший с реки, и было сумрачно.

Она села на пятки и огляделась – две перевернутые лодки, какой-то запущенный верстак, в углу навалены рыболовные сети.

Убежище так себе. Совсем никудышное. Если начнут стрелять, стены моментально разлетятся в щепки и ни от чего не укроют.

Она потрогала лодку, покачала туда-сюда. Очень тяжелая, словно дубовая. Под неё не подлезть.

Разве бывают дубовые лодки?..

У кого-то из поэтов было про дубовый челн, а может, он был не дубовый, а утлый, она забыла.

– Да куда ей деваться, – громко сказали совсем рядом, словно говорящий стоял над ней. – Здесь где-то.

– А может через реку махнула?

– Щас!.. Там верная смерть, течение даже мужик не одолеет!

– Так может, утопла?

– Это бы хорошо, возни меньше. Эй, тут халабуда какая-то, взглянуть надо!

– Да точно она в воду кинулась! Баба же! Мозгов нет!

Девушка в сарае изо всех сил потянула на себя какую-то железяку, и лодка вдруг мягко перевернулась, оставив на земляном полу гору полуистлевших сетей. Девушка нырнула в лодку и мгновенно завалила себя серыми гнилыми верёвками.

В эту секунду дверь сарая распахнулась и, нагнувшись, вошёл высокий человек с винтовкой в руке.

– Ну чего там?! – прокричали снаружи.

– Да вот смотрю! – Высокий пнул ногой лодку. Она закачалась, заскрипела, но устояла. Девушка не издала ни звука.

Он подошёл ко второй лодке и заглянул под неё.

– Куда баба делась, – пробормотал он, – хрен поймёшь!..

– Чего там у тебя?

– Нет её тут!

– Говорю, вплавь решила!..

– Как это теперь проверить?!

– Не будем мы проверять!

– А если в кустах засела?

– Все кусты мы излазили!

Высокий человек ещё раз оглянулся вокруг, ткнул дулом карабина в старые сети. Дуло упёрлось в лодочное дно в сантиметре от её лица. Она зажмурилась.

– Хорош, пойдём отсюда!..

Высокий длинно выматерился, ударил ногой покосившуюся дверь и вышел из сарая.

Девушка лежала, заваленная сетями, боясь открыть глаза».

Тонечка поставила точку, моргнула, прогоняя из головы серый речной туман, старые лодки и бандитов.

На сегодня, пожалуй, хватит. Она сделала всё, что могла, и даже немножко больше.

– Я люблю тебя, жизнь, – пропела она фальшиво и потянулась, – что само по себе и не ново! Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова!..

В гостиничном номере было сумрачно – горела только настольная лампа. Который может быть час?.. Сколько она просидела за работой?

Впрочем, какая разница! Работа срочная, сценарий, как обычно, был нужен позавчера, съёмочный процесс запустить никак не могут, потому что сценарий не написан. Вот и призвали Тонечку, как лучшего сценариста, чтобы она написала быстро и качественно. Она согласилась – уж очень хорошие деньги пообещали за «быстро и качественно», так что теперь не имеет значения, сколько часов в день ей придётся просидеть за работой – взялся за гуж, не говори, что не дюж...

...И всё-таки какой там был челн, в стихах? Дубовый или утлый?.. Или тот и другой?

Ей очень хотелось есть, пить, лечь, закрыть глаза и ни о чём не думать.

Так есть и пить – или лечь и закрыть глаза?..

Она посмотрела в окно – на фонари и старинное здание театра. Этот театр она обожала и, приезжая в Нижний Новгород, всегда старалась попасть на спектакль.

Нужно будет Сашу сводить, он наверняка никогда не был в Нижегородском театре драмы!..

Тут она вдруг сообразила.

– Позвольте, – сказала она с громким удивлением. – А где мой муж?!

Муж уехал в гости к «старому другу», и это было... Тонечка посмотрела на время... Часов шесть назад, ничего себе!..

Она включила телевизор, позвонила на мужнин телефон, который, ясное дело, только уныло гудел ей в ухо.

– Александр Наумович, – сказала она телефону, – где вы есть-то?.. Отзовитесь!..

Абонент не отвечает, любезно сказал телефон женским голосом и предложил оставить сообщение после звукового сигнала.

Тонечка никаких сообщений оставлять не стала. Её муж никогда не пользовался автоответчиком.

...Или спуститься вниз, в ресторан? В этом отеле превосходный круглосуточный ресторан! Вчера по приезде они наужинались так, что Тонечка поклялась себе, что никогда в жизни больше куска в рот не возьмёт.

В принципе.

...Или принять душ и лечь? Если она ляжет, то сразу уснёт, а тут как пить дать явится муж-объелся-груш, разбудит, а потом она уж точно не заснёт!

– Как всегда в это время, – сказали из телевизора магическим голосом, – шоу «Любит – не любит» и его ведущая Гелла Понтийская. Представляю вам моих сегодняшних гостей.

– Какая ведущая? – заинтересованно спросила Тонечка у телевизора. – Как её звать? Гелла?!

Ведущая была «норм», как выражаются Тонечкины продвинутые дети: длинноногая, волоокая, грудастая и губастая. На Геллу, конечно, не тянет, но зато очень, очень современная красавица.

«Как вы узнали, что муж вам изменяет»? – пыталась ведущая смирную тётку лет шестидесяти. Татка волновалась, цветастое платье ходило на ней ходуном.

«Дак я и не знала! Мне уж соседка сказала, Марья Павловна! Ваш-то, говорит, прощелыга, тихий-тихий, а на седьмой этаж шастает к Светке-козе!»

«И вы решили сделать тест ДНК», – подсказала Гелла.

«Я решила на лысину ему плюнуть, вот что я решила!» – рассердилась тётка.

Тонечка захохотала:

– Зачем ей тест ДНК? – спросила она у ведущей в телевизоре. – Чтобы установить, её муж или не её на седьмой этаж шастает?

Впрочем, тесты ДНК захватили нынче не только центральные каналы, но и региональные тоже. Господи, кто это смотрит, ну вот кто?!

– Ты же и смотришь, – сказала себе Тонечка и опять захохотала. – В данную минуту.

Она решила позвонить в ресторан и заказать еды в номер, даже трубку сняла, но тут в коридоре что-то с грохотом упало и как будто посыпалось, бабахнуло в стену.

Она подбежала и распахнула дверь. И взвизгнула.

Какая-то туша ворочалась на гостиничном ковре, пытаюсь подняться. На голову туши была почему-то надета дикая плетёная шляпа, а вокруг рассыпаны яблоки – много!

– Что такое?! – выпалила Тонечка. – Вам помочь? Вам плохо?!

– Хорошо-о-о! – уверила туша и поднялась, опираясь руками о стену.

Поднявшись, она оказалась собственным Тонечкиным мужем Александром Германом, телевизионным продюсером и режиссёром.

– Я пришёл, – сказал Тонечкин муж, – на своих ногах, заметь!

– Я замечаю, – едва выговорила ошеломлённая Тонечка.

– Я тебе яблоки нёс, но растерял.

– Я нашла, – сказала Тонечка и сняла у него с головы корзину. – Ты проходи, проходи!..

Он ввалился в номер, дублёрка волоклась за ним по полу.

– Вот сюда, сюда давай! Ложись!

Он плюхнулся на кровать, запутался в дублёрке, стянул один башмак, а про второй забыл и полез к Тонечке с поцелуями.

– От тебя разит, как от самогонного аппарата!

Продюсер всех времён и народов нахмурился, на лице его отобразилась работа мысли.

– Не, – в конце концов обиженно сказал он. – Не было никакого аппарата. Мы самогонку не гнали!

Тонечка стащила с него дублёрку.

Он опять потянулся, чтоб поцеловать.

– Иди ты на фиг! – Она оттолкнула его физиономию. – Как ты в лифт зашёл? И кто тебя вёз?!

– Кто-то вёз, – признался Герман. – Я не помню. И яблоки потерял. Вкусные такие яблоки, красные. Кондрат тебе передал, а я потерял.

– Ты зачем корзину на голову надел, алкоголик?

– Я нннеее надевал!

Тонечка отбежала к чемодану, раскопала аптечку, которую всегда брала в поездки, немного там, у чемодана, похотела сама с собой, бросила в стакан четыре таблетки растворимого аспирина и залила их водой.

Когда она вернулась к мужу, тот крепко спал, подложив под щёку башмак.

Тонечка забрала башмак, заставила страдальца сесть и выпить аспириновую воду.

Страдалец хныкал, мотал головой и пить отказывался.

– Нужно сейчас, – уговаривала Тонечка. – Иначе утром совсем плохо будет!

– Будет хорошо! – не соглашался её муж, но в конце концов всё допил.

Тонечка прикрыла его пледом, побежала в коридор и собрала в корзину рассыпанные яблоки. Они на самом деле были очень красивые – крепкие, зимние.

Когда она вернулась, муж, не разлепляя век, спросил строго:

– Зачем ты её позвала?

– Кого? – не поняла Тонечка.

– Эту Геллу из телека.

Тонечка оглянулась на экран, там вовсю продолжалось шоу «Любит – не любит».

– Гони её отсюда, – продолжал муж. – Она Ермолаю всю жизнь испортила!

– Кто?!

– Гелла из телека. Она его жена.

– У тебя белая горячка, – констатировала Тонечка, – в начальной стадии.

– Что ты, – сказал муж, – нет у меня горячки. Я просто напился.

После чего захрапел так, что занавеска на окне, выходящем на драматический театр, пошла мелкой волной, и унять этот храп до самого утра не было никакой возможности.

Утро началось, как и полагается утру после грандиозной мужской попойки: муж стонал, что больше никогда не будет пить, жена отчитывала его за содеянное и параллельно лечила.

Фраза «Сколько раз я тебе говорила!» была повторена неоднократно.

– Хорошо ещё, я тебя вчера заставила аспирин принять, – говорила Тонечка, выжимая принесённый из ресторана лимон в стакан воды со льдом. – Господи, что за удовольствие так налакаться!

– Да я же не специально, – морщась отвечал Герман. – Мы под разговоры и под закуску хорошую... Он же повар...

– Я знаю, что он знатный повар, ты мне все уши прожужжал! – Тонечка подала мужу воды, он жадно припал к стакану. – Только я не понимаю, как это связано! Повар обязательно должен надираться до пороссячьего визга?! Я вообще не понимаю, как ты до номера дошёл, как тебя в отделение не забрали или не ограбили по дороге, честное слово!..

– Тоня, я не специально, – Герман выпил всю воду и теперь налитым кровью глазом косил на стол: там был стратегический запас воды, но о том, чтобы встать, подойти и налить, не могло быть и речи!

Тонечка, сообразив, налила ему ещё и поставила в изголовье кровати целую бутылку.

– У меня первый муж был алкоголик, – напомнила она тихо. – Он допился до психиатрической больницы.

Герман посмотрела на неё. В ушах у него шумело, в горле стояла гадость, голова была тяжелой и словно пылала.

И тем не менее он рассердился.

– Не нужно никаких сравнений! – ответил он грозно. – Ещё не хватает! Я не алкоголик и не первый муж. Я твой единственный муж, и точка.

Тонечка наклонилась и с сочувствием поцеловала его в небритую щёку.

– Бедный ты мой пьянчужка.

– У меня голова вот с этой стороны болит, как будто я ударился.

– Ты и ударился, – сообщила жена. – Ты упал в коридоре, стукнулся о стену! Рассыпал яблоки и надел на голову корзину.

Он посмотрела на неё.

– Что, серьёзно? Или ты шутишь?

– Ничего я не шучу.

– Вот дела, – протянул Александр Герман задумчиво. – Вообще не помню.

– А ещё ты мне велел прогнать Геллу из телевизора, потому что она жена Ермолая.

– Здесь была Гелла?!

– Саш, хорош дурить, – сказала Тонечка с сердцем. – В телевизоре была ведущая, Гелла Понтийская какая-то! Ты в бреду решил, что она здесь, и велел её прогнать!

– Да я вчера на неё полвечера убил, – Герман сел, осторожно придерживая голову. – Она приехала, такие давала гастроли, прямо образцово-показательные! И что он ей жизнь испортил, и что она несчастная, и что она в соцсетях всем расскажет, как он её избивает!..

– Саш.

– А?

– Ты сейчас о чём говоришь?

– Я тебе рассказываю про Кондрата Ермолаева, моего старого друга, с которым мы вчера вместе пили! Он первоклассный...

– Повар! – перебила Тонечка. – Я знаю! На кого ты убил полвечера и кто давал гастроли?

– Ведущая эта, Гелла! Она его жена.

Тонечка зачем-то оглянулась на телевизор, словно Гелла, жена повара, могла внезапно выскочить оттуда. Телевизор не работал.

– Она приехала в самый... разгар, – продолжал её муж. – И сразу стала беситься и кидаться на Ермолая, а он...

– Он же вроде Кондрат.

– Кондрат Ермолаев он. Смирный мужик, но вчера тоже чего-то разошёлся!

– В смысле?..

– Ну, они почти подрались, – выговорил Герман неохотно. – Как в сериале, которые ты пишешь.

– Саш, я не пишу плохих сериалов!

– Значит, как в хорошем сериале подрались! Почти.

– Но не подрались?

– Чтоб Кондрат женщину ударил?! Но послать ... послал. И она уехала.

Тонечка налила ему ещё воды и подсыпала льда из ведёрка.

– Ну, муж и жена одна сатана, – сказала она задумчиво. – Всякое бывает...

– Я, видишь ли, к семейным сценам непривычный, – он вдруг улыбнулся. – Ты же мне не закатываешь!

– А она прям ... закатывала?

Герман кивнул. Он шумно хлебал воду из стакана.

– А когда она уехала, мы уж всерьёз за дело взялись. Я вообще не помню, на чём ехал, кто меня вёз, как я в лифт зашёл. Яблоки помню, Кондрат за ними в погреб лазал.

– А как ты корзину на голову надел, помнишь? – не удержалась Тонечка.

– Ты её выдумала, эту корзину? Чтоб уж окончательно добить?

Тонечка засмеялась.

– Саш, даже я такого не выдумаю! Но это была картина!

– Всё, проехали.

Тонечка промолчала.

...А вот и не проехали, Сашечка, милый! Я теперь эту корзину тебе всю оставшуюся жизнь буду поминать, и ты об этом прекрасно знаешь! стыдно тебе? Вот и хорошо, вот и постыдись всласть, от души!..

Зазвонил телефон, и супруги стали синхронно озираться по сторонам.

– В дублёрке, – определил Герман. – В кармане.

Тонечка вытащила телефон и подала ему. На экранчике светилась надпись «Ермолай». Лёгко на помине! Он первоклассный повар, нам это известно. Должно быть, опохмелиться нечем. И ухаживать некому, Гелла-то была послана и уехала куда послали!

Герман нажал на телефоне громкую связь и откинулся на подушки.

– Са-ань? – проговорил из трубки грубый, словно больной голос.

Тонечка остановилась и посмотрела на телефон. Что-то случилось, моментально поняла она.

Герман ничего такого не понял.

– Кондрат! Здорово! Ты только глаза продрал?..

– Нет, – ответили из трубки. – У меня тут... беда, Саня. Давай ноги в руки и ко мне.

Герман сел, схватил трубку и поднёс к уху.

– Кондрат!.. Алё! – Посмотрел на экран и перевёл взгляд на жену.

– Я тебя отвезу, – сказала Тонечка.

Первоклассный повар жил недалеко, почти в пригороде Нижнего. Гиппотамистую, тяжеленную машину мужа Тонечка водила не слишком уверенно, а Герман нервничал и торопил, и по дороге чуть было не приключилась та самая семейная сцена, к которой он был непривычен.

Один раз свернули не туда, оказались на пустой, присыпанной снегом дороге, которая петляла по мокрому лесу. И сигнал

навигатора, ясное дело, пропал. Почему-то этот самый сигнал всегда пропадает в самый неподходящий момент.

Пришлось возвращаться к развилке, перезагружать программу, ждать.

– Я тебе говорил, не сюда! Я вчера не так ехал!

– Саш, я не знаю, как ты ехал, но адрес я правильно завела. Если ты мне правильно назвал!

– Дай я посмотрю!

Тонечка закатила глаза и сунула ему телефон.

«Поверните направо, – командовал телефон невыносимо самодовольным женским голосом, – через триста метров развернитесь!»

– Ты что, обалдела?! – зарычал Герман на телефонную женщину. – Посёлок Заречный, дом сорок один!

Тонечка отняла у него телефон.

«Поверните направо», – повторила женщина-навигатор.

Тонечка повернула, как было велено, и вскоре впереди замаячил указатель «Заречный 1,5» и стрелка.

– Вот этот поворот помню, – сказал Герман.

– Молодец, – похвалила Тонечка.

На тихой улице дремали за заборами справные домишки, каменные, двухэтажные. И дорога была почищена, и переулки тоже. Видно, в посёлке Заречный хозяйничали со знанием дела и от души.

– Где-то здесь, – сказал Герман, всматриваясь в заборы.

– Подожди, ещё не доехали!..

Они въехали в переулок, и Тонечка притормозила. Ворота дома номер сорок один были распахнуты настежь.

– Он что, куда-то утром ездил с такого похмелья? – спросила Тонечка. – Или жена вернулась?

– Откуда я знаю, – огрызнулся Герман. – Заезжай давай!

Посередине двора стояла красная машина, молотила движком. Передние двери и багажник открыты.

– Ну вот! Жена и вернулась! Две минуты назад! Опять скандалить понеслась, даже двери не закрыла.

– Нет, машина давно стоит, – проговорила Тонечка настороженно.

– С чего ты взяла?!

– Крыша и багажник снегом присыпаны, видишь?.. А капот мокрый, он же горячий, снег на нём тает...

Герман выпрыгнул, огляделся по сторонам, покричал:

– Кондрат! Ты где?! – И прислушался.

Никто не отозвался.

Тонечка выбралась с водительского места и потянула за собой рюкзачок. В рюкзачок она напихала воды в бутылках, сколько влезло, и аптечку.

Герман заглушил работающий двигатель в красной машине, сунул в карман ключи. Сразу стало очень тихо, как и положено зимой в деревне. Он захлопнул дверь и пошёл к дому, продолжая на ходу оглядываться.

– Не нравится мне всё это, – пробормотала Тонечка. – Что-то здесь не так...

Большой лохматый пёс выбрался из будки, за ним тащилось сено, как видно он спал на нем, отряхнулся и вопросительно брехнул.

Тонечка оглянулась:

– Ты мой хороший! – сказала она псу. – Что-то у тебя вид заспанный! Ты охранный пёс или нет?

– Тонечка, давай за мной!

– Я иду, иду!..

В дом вели двойные двери, по виду старинные, на поверку оказавшиеся новомодными – металлические, с тяжелыми хромированными задвижками, почти банковские.

Тонечка недоверчиво посмотрела на двери. Видимо, повар чего-то боялся. Или это его жена, звезда шоу «Любит – не любит», боялась?..

– Кондрат, алё! – проорал Герман из прихожей. – Ты где?!

– Осторожней, Саня, – отозвался из глубины дома больной голос, который Тонечка сразу узнала. – Иди кругом, прямо не ходи!

Александр Герман замер на пороге комнаты, мельком оглянулся на Тонечку.

– Тоня, иди в машину, – велел он.

Но она уже заглянула, конечно.

Большая комната на три окна была разгромлена, словно в ней дрались стенка на стенку. Пол усыпан битой посудой и какими-то круглыми деревяшками – Тонечка не сразу сообразила, что это ножки от стульев. На светлом ковре, сбитом в сторону, тёмные пятна, много. Неровные, острые, страшные осколки стекла возле старинного буфета, из которого выбиты дверцы, закапаны чем-то красным. Кровь? Ветер колышет занавеску на распахнутом окне, на подоконнике перевернутые цветочные горшки, батареи засыпаны землёй.

– Кондрат, мать твою!

– Я здесь, на кухне.

Большая комната была разделена на две условные части – кухню и столовую, и та часть, где располагалась кухня, тоже имела выход из прихожей.

Возле гигантской плиты стоял высоченный мужик в тельняшке. Рыжая всклокоченная борода словно светилась в полумраке на фоне бледного, в голубизну, лица.

– Что тут было?! На тебя напали?!

Мужик пожал плечами и бородищей показал на Тонечку:

– Ты зачем её привёл?

Герман оглянулся. Тонечка ещё ни разу в жизни не видела, чтобы её муж был так растерян. И напуган.

– Кого?..

– Мы вместе приехали, – выпалила Тонечка. – Такси долго бы ждали, пришлось мне за руль садиться.

– Уезжайте, – сказал рыжебородый с трудом. – Сань, выпроводи её. Нечего здесь делать.

Но Герману было не до Тонечки.

– Ты что натворил, Кондрат?!

– Или кто натворил? – встряла Тонечка.

– Не знаю. Я проснулся... так уже было. А я ничего не помню!..

Тонечка осторожно обошла мужа и огляделась. На кухне не было никакого разгрома, словно сюда не дошло цунами. Больше того! Кухня сияла какой-то праздничной, новой чистотой, словно из неё только что вышла команда уборщиков.

Тонечка ещё поглядывалась по сторонам, а потом тихонько взяла со стойки стакан.

– Не трогайте вы ничего, – выговорил рыжебородый с трудом. – Нельзя! Сань, чего теперь делать? Наряд вызывать, да?..

– Подожди, успеем, – сказал Герман. – Давай подумаем. Может, ты чего вспомнишь?..

– Мы с Ленкой в хлам поругались.

– Это ещё при мне.

– Я больше ничего не помню!!!

Тонечка налила в стакан воды, бросила аспирин, который моментально зашипел, брызгая колючими крохотными фонтанчиками ей на руку.

– Девушка, я же вам сказал, не трогайте ничего!..

Тонечка подала повару стакан.

– Ну, давайте познакомимся, – предложила она деловым тоном. – Меня зовут Антонина Морозова. Вернее, Герман, но подписываюсь я Морозовой. Так удобней, потому что я сценарии пишу уже давно и под фамилией Морозова. Но Герман – звучит, правда?

Она болтала без остановки, чтобы дать ему возможность отвлечься, рассмотреть её и выпить аспирин.

– Я жена вашего друга Сани, то есть Александра Наумовича, конечно! А вы повар, и вас зовут Ермолай! Вернее, вас зовут Кондрат, а фамилия у вас Ермолаев, так что мы с вами оба называемся не так, как нам положено!

Ермолаев Кондрат залпом допил воду, выдохнул и посмотрел на Германа.

– Ну да, – тот кивнул, – она такая.

Тонечка между тем пристроила рюкзак на стул и стала обходить кухню по кругу. Зачем-то она открывала ящики и заглядывала в шкафы. Вытащила какой-то свёрток, развернула, посмотрела и сунула обратно.

– У вас образцовый порядок, – похвалила она.

– Ну, когда я готовлю, здесь бардак. – Повар покрутил ручищей, на пальцах синела татуировка. – Страшный.

– Я слышала, – подхватила Тонечка, – что настоящие повара никогда за собой не убирают и не моют! Они только всё разбрасывают и расшвыривают, зато у них получаются кулинарные шедевры. У вас получаются шедевры?

Рыжебородый Кондрат Ермолаев пожал плечами.

– Я не знаю.

– Выпейте ещё вот... таблеточку. Это от отравления. Ваш организм отравлен алкоголем, – добавила она, сделав ударение на первом слогe, чтоб получилось смешно.

Но никто не рассмеялся.

– Слушайте, я вообще не пью никакие пилюли! Сань, скажи ей!

– Тоня, он не пьёт пилюли!

– А кто вчера убирал кухню?

Кондрат с усилием проглотил таблетку.

– В смысле?

– Или вы сами убирали за собой? Саша сказал, что ужин был очень вкусный, и выпили много, потому что закуска была хороша. Вот вы приготовили ужин, а потом всё за собой сами помыли?

Кондрат задумался – на лбу собрались складки.

– Лена убирала, – сказал он наконец. – Точно, Лена! Она тогда ещё не уехала, и всё тут помыла.

– Кто такая Лена?

– Это его жена, – подсказал Герман.

– Да, – согласился Кондрат, – это моя жена.

Тонечка посмотрела на мужа недоверчиво.

– Ты же сказал, что его жена ведущая – шоу! Гелла... Гелла...

– Понтийская, – хором сказали мужики, и Кондрат продолжил:

– Это для телека имя. А в жизни её зовут Лена Пантелеева.

– Где она сейчас?

Кондрат весь перекосялся.

– Не знаю. Я проснулся там, на диване, а вокруг... вот это всё. Я Сане позвонил.

– А ей? Позвонили?

Он кивнул.

– Не отвечает?

Он опять кивнул.

Тонечка заглянула в широкий, почти во всю стену проём, соединявший кухню со столовой. С этого ракурса разгром тоже смотрелся ужасающе.

Она осторожно прошла, стараясь не наступать на черепки, щепки и осколки.

– Нельзя там ходить, – безнадёжно проговорил Кондрат и махнул огромной ручищей.

– Ничего, я тихонечко.

– Надо вспоминать, – Герман налил себе воды в стакан Кондрата и с наслаждением выпил.

– Да чего вспоминать-то, Саня. Ничего мы не вспомним. Давай ментам звонить.

– Нет, подожди, – Герман выдвинул стул и сел. – Она же приезжала!

– И мы поругались, – перебил Кондрат. – В лоскуты.

– Это было при мне! – продолжил Герман. – Только я не могу сообразить, в котором часу. Тоня! Когда я домой вернулся?

– После двух, – откликнулась Тонечка. Она ходила по комнате, высматривая что-то.

– После неё мы ещё долго сидели! Ты в погреб ходил за яблоками, помнишь?

– Яблоки помню, Саня, – сказал Кондрат. – А потом что? Ну, она же могла вернуться и... что?..

– А чья машина на улице? – издалека спросила Тонечка. – Ваша или вашей жены? Или у вас одна на двоих?

– Где?..

Рыжебородый повар вдруг бросился к окну, прямо по осколкам и черепкам, и выглянул, даже свесился наружу, словно боялся изнутри не рассмотреть.

Тонечка внимательно следила за ним.

– Ленкина машина, – сказал он убитым голосом. – Значит, она возвращалась...

– Когда мы подъехали, все двери были открыты, и двигатель стучал, – Герман тоже подошёл и посмотрел в окно. – Я заглушил.

– А я ничего не слышал... – растерянно проговорил Кондрат.

И они взглянули друг на друга.

– Я не мог её убить, – сказал Кондрат скорее себе, чем Герману. – Да ещё по пьяни!..

– Значит, будем исходить из того, что вы не убивали, – отозвалась Тонечка бодро. – Теперь самое главное узнать, что здесь произошло.

– Как узнать?!

– Я пока не придумала, – призналась Тонечка. – Саш, а ты?

– Камер никаких нет, конечно, – полуутвердительно поинтересовался её муж.

– Сдурел, что ли?

Повар перегнулся через подоконник, зачерпнул мокрого снега и крепко отёр лицо. С бороды закапали тяжёлые капли.

– Короче, звоню ментам.

– Подождите! – в один голос воскликнули супруги Герман.

– Мы успеем позвонить, – продолжала Тонечка очень уверенно. – Давайте только сначала поговорим.

Поговорить они не успели.

На крыльце зазвучали шаги, сильно протопало, – пришедший отряхивал снег с ботинок, – и распахнулась тяжелая входная дверь.

Высокая женщина в длинном пальто напрямик промаршировала в столовую, замерла на пороге и вытаращила глаза.

– Здрассти, Светлана Павловна, – пробормотал Кондрат.

Женщина отступила и зажала рот обеими руками.

Тонечка встала так, чтобы хоть немного прикрыть от глаз вошедшей разгром и бурые пятна.

– Давайте я вас отведу на кухню, – предложила Тонечка. – Вы присядете, я налью вам...

– Допился, сволочь, свинья поганая! – вдруг заголосила женщина. – Леночка!.. Зарезал её, сволочь?! Где она?! Куда дел?!

– Тише, – сказал повар умоляюще, – тише, тише!..

– Лю-у-у-ди! – женщина сорвала с головы платок, побежала и скатилась с крыльца. – Люди, человека убили! Убили человека!..

– Странно, что меня тоже не арестовали, – Герман потёр руками лицо. – Я же был с ним почти всю ночь.

– Его не арестовали, а задержали, – поправила Тонечка устало. – Саш, давай выпьем, а?

– Нет, – моментально отказался Герман. – Только не это.

– Ну, тогда ты чаю, а я... не чаю.

Она прошла по сверкающей плитке – за ней оставалась цепочка мокрых следов, – плюхнулась в кресло и с наслаждением вытянула ноги, словно весь день не могла присесть. Герман медлил, рассматривая её.

Так она ему нравилась!..

Приятное, особенное чувство, когда женщина нравится, и она – собственная жена.

Даже после стольких часов – долгих часов, которые они провели сначала в доме Кондрата Ермолаева, а потом в отделении, после стольких объяснений, разговоров, подписанных бумаг, Тонечка казалась свежей, и буйные кудри вились особенно буйно – должно быть, от мокрого снега, который всё сыпал и сыпал с небес. Ей очень подходил пятизвёздочный «Шератон» в центре Нижнего Новгорода, сверкающая плитка, уют модной мебели, странных картин и дорогих

ковров. Александр Герман за всю жизнь не встречал женщины, которой бы всё это *так подходило*. Её клетчатая английская куртка, той же генеалогии сумка на длинном ремне, на сумке монограммы в виде всадников, причёска, точнее полное её отсутствие, румяные щёки, уверенная грудь под светлым свободным свитером, ладные джинсы – как ему всё это подходило!..

Он и не думал, что женщина может так ему подходить. До неё, до прошлого года, когда он её встретил, он просто... выполнял некую жизненную программу. Положено, чтобы успешный, уверенный и деловой мужчина появлялся в обществе с красоткой – он появлялся с разнообразными красотками. Положено ветреный и мрачный февраль проводить в Индонезии, «на солнышке» с длинноногой феей – он проводил февраль с феями. Положено по весне фотографироваться на итальянских озёрах рядом с совершенным женским телом, раскинувшимся в соседнем шезлонге – он фотографировался с телами. Иногда его связи были достаточно интересными и развлекали его, иногда получались так себе, но они *всегда* оставались словно вне его самого. Он наблюдал за собой и своими романами всегда с некоторой отстранённой иронией.

Тонечка за год ни разу не дала ему возможности иронизировать и наблюдать!.. С ней он всё время жил полной жизнью, и это его... удивляло. Каждый день!

Его жена, на которую он в эту минуту смотрел с тихим и умильным восторгом, нетерпеливо крутила шей, выпутывала кудри, наконец стянула с шеи шарф, с облегчением пристроила вещи в руки подошедшего официанта и спросила белого вина со льдом, кофе и мятного чаю.

Между прочим, Герман давно заметил, что официантам она тоже нравится, хотя они все были почти подростки, а Тонечка вполне себе дама!..

Он подошёл и сел рядом.

Она сразу придвинулась к нему и приложилась к щеке дурацким поцелуем в стиле «дорогой, как я рада тебя видеть этим вечером».

– Какой-то ужасный день, – пожаловалась она. – Ты как? Как твоё похмелье?

– Нет никакого похмелья. – Ему не понравился поцелуй, он прихватил жену за шею и поцеловал как следует.

Не по возрасту и не в меру целомудренная супруга тут же оттолкнула его физиономию.

– Саш, ну что ты!..

Он усмехнулся и отпустил её шею.

– Ну, что мы будем делать?

Тонечка потёрла нос.

– История странная, – сказала она наконец, – вот правда, очень странная.

– Как это верно, Ватсон.

Она искоса взглянула на него и фыркнула.

– Кондрат не мог убить, – продолжал Герман очень серьёзно. – Вот поверь мне. Я знаю.

...Муж что-то недоговаривает, это ясно как день. С самого начала! Сколько Тонечка ни пыталась ещё в Москве выяснить, откуда у её мужа, великого телевизионного продюсера и в прошлом режиссёра, человека всегда и во всём благополучного, сытого и самоуверенного, взялся давний друг повар, да ещё в Нижнем Новгороде, у неё так и не получилось. Муж рассказывал какие-то глупости про бурную молодость и про то, что когда-то он, муж, был большой шалун, но дело с места не двигалось. Целый год, нет, даже почти полтора, Герман ни разу не вспоминал друга-повара и вспомнил только сейчас, а когда Тонечка пристала, только отшучивался.

– На первый взгляд, всё как раз наоборот, – нащупывая почву, продолжала Тонечка. – Как раз похоже, что он убил жену-то.

– Тоня, даже не начинай!..

– Смотри, они сильно поссорились, ты сам мне рассказал ещё той ночью, что приехала и закатила скандал, что она испортила ему всю

жизнь! Что она обещает выложить в сеть побои. Что он её послал подальше и они почти подрались...

– Пошла писать губерния... – пробормотал Герман в сторону.

– Разве не могло быть так, что она вернулась, они опять поссорились, потом на самом деле подрались, и он её... ну, случайно, в драке, в угаре... ударил... неудачно...

– Не могло быть, – отрезал Герман. – Тоня, правда. Я знаю, что говорю.

Официант принёс поднос и начал ловко расставлять на круглом столе бокалы и чашки. Тонечка сосредоточенно думала.

– А про неё ты что-нибудь знаешь? – спросила она, как только официант отошёл, улыбнувшись ей напоследок. – Про жену?

– Ни-че-го, – по слогам ответил Герман. – Я понятия не имел, что Кондрат женился.

– Плохо, – сказала Тонечка. – Самое скверное, что мы даже не знаем, где и как её искать.

Герман обжёгся мятным чаем и уставился на жену.

– Как... искать? – переспросил он. – Зачем нам её искать? Если Кондрат её...

– Тьфу на тебя, Саша, – рассердилась она. – Ты сам себе противоречишь! Ты же клянёшься, что твой друг-повар жену не убивал! Значит, она жива и где-то должна быть! А где?..

– Да в этом всё дело! – вдруг вспыхнул Герман. – Её нигде нет, ни на работе, ни дома! В отделении так сказали!

– Саша, что выходит? Выходит, что Кондрат Ермолаев ночью в беспмятстве её убил, а тело где-то спрятал. Не приходя в сознание.

– Во дворе машина стояла, вся нараспашку, – напомнил Герман. – Мотор работал.

– Вот именно. Когда она на ней приехала? Выходит, после того, как ты ушёл, то есть, где-то ближе к двум. Потом они поссорились – с дракой и битьём стёкол. Потом, получается, он её выволок, затолкал в машину, куда-то вывез, вернулся обратно, оставил

машину посреди двора с работающим двигателем и завалился спать. Логично?

– Нет, – отрезал Герман.

– Вот именно, – согласилась его очень умная жена. – Так не бывает. Хотя, по большому счёту, есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам. Можно мне ещё Шабли?

Герман помахал официанту, спросил вина и вдруг несказанно удивился:

– Постой, постой, так ты... тоже не веришь, что Кондрат зарезал жену?

– Молодец, – похвалила Тонечка. – Я ещё пока ничего не понимаю, но кое-что странно, правда.

– Что?

– Порядок на кухне, это раз, – задумчиво начала перечислять Тонечка. – Два: ночью был шум, и никто из соседей не прибежал и не спросил, в чем дело.

– Фью-ю! – присвистнул Герман. – Нынче на шум никто не выходит, никому дела ни до чего нет.

– Саш, это в Москве никто не выходит на шум! А здесь все выходят! Когда тётя сегодня на крыльце заголосила про убийство, моментально под забором народ собрался, ты не обратил внимания? И наряд сразу вызвали! Мы же не вызывали никого, а патруль приехал через семь минут после того, как она заорала, я засекла.

– Ну ты даёшь, – Герман покачал головой отчасти даже с недоверием. – А кухня при чём?

– При том, что расстались они, по всей видимости, абсолютно мирно. Твой повар и его телеведущая!.. Он ждал тебя в гости и готовил. Устроил на кухне бардак. Она этот бардак убирает, она всегда так делает, это Кондрат рассказал. Он готовит, а она за ним всё чистит и моет. После этого она уезжает – кстати, куда? – среди ночи возвращается и закатывает скандал. В чём смысл, если подумать?

Герман пожал плечами.

– Вот именно, – подхватила Тонечка. – Получается, что смысла нет. Если они мирно расстались вечером, почему ночью случился скандал?

– Потому что мы пьяные были.

Тонечка рассердилась:

– Саша! Ты же режиссёр! Включи режиссёрское воображение! – Она потянула его за ухо. – Чик-трак! Включилось?

– Чего ты от меня хочешь?

– Чтоб ты фильм представил. Муж и жена на кухне. К мужу вечером приезжает старый друг, – тут она подумала и зачем-то добавила, – лучше новых двух. Муж – повар, и он готовит пир, – и она опять добавила, – на весь мир. Жена видит, чего и сколько он готовит, знает, сколько закуплено выпивки. Потом она ликвидирует бардак, вылизывает кухню и деликатно отбывает в неизвестном направлении. Возвращается ночью, Бог мой, каков пассаж, что за ужасная картина – муж и старый друг уже изрядно набрались!

Герман засмеялся.

– И она давай скандалить и на него кидаться!

– Да, – согласился Герман. – Фильм не складывается что-то.

– Вот именно, – кивнула Тонечка. – Шума соседи не слышали, на Кондрате твоём ни царапины. Или они очень аккуратно и тихо дрались, или...

– Не дрались, – подсказал Герман.

– Или она так же деликатно и тихо дала себя зарезать, – продолжила его жена, – или...

– Никто никого не резал, и вообще непонятно, что там произошло, – закончил он.

– Смотри, какая собака! – вдруг с восторгом выпалила Тонечка. – Ну вон, вон! Оглянись!

К её внезапным перепрыгиваниям с мысли на мысль, с эмоции на эмоцию он никак не мог привыкнуть.

...Что за собака?! При чём тут собака?!

За соседний столик усаживалась женщина. Лицо у неё было озабоченное и словно встревоженное. На руках она держала...

– Какая же это собака, – сказал Герман несколько даже обиженно. – Это какой-то... организм!

– Сам ты организм! – прошипела Тонечка. – Это совершенно прекрасная маленькая собака! Нет, Саша, ты посмотри, какая прелестная!

У «прекрасной собаки» тоже был довольно встревоженный вид. Она столбиком сидела на коленях у женщины, перебирала тоненькими, как спички, лапами, раскидистые уши время от времени начинали дрожать.

– Я знаю породу, – продолжала неистовствовать жена у него над ухом. – Называется пражский крысарик! Правда! Очень редкая порода! В Средневековье такие собаки спасли Прагу от чумы! Они истребили чумных крыс!

– Любая уважающая себя крыса перекусит этот организм на счёт «раз»!

– Они на самом деле охотники, Саша!

– Да в ней весу, должно быть, полтора кило! Какая уж тут охота!

Но его жену было не остановить – как же! Поблизости от себя она заметила собаку!.. Всё остальное забыто.

– Я подойду и познакомлюсь.

– Дай им хоть отдышаться, – недовольно сказал Герман. – И чаю выпить. Они только пришли.

Тонечка, приподнявшаяся было, чтобы бежать к «прекрасной собаке» и её хозяйке, плюхнулась обратно.

Тут её словно осенило.

– Слушай, там же тоже собака осталась! У Кондрата! Она выходила из будки и гавкала на нас.

Герман с усилием перескочил следом за ней на эту новую мысль. Он явно отставал!

– Это Ямбург, – сказал он наконец. – Кондрат его когда-то из Сибири привёз.

– Он там остался совсем один, – затараторила Тонечка. – Его хоть покормить надо.

– Соседи покормят.

– А если нет?

Он вздохнул.

– Хорошо, мы поедем.

– Поедем, – повторила она. – Вот бы ещё раз в дом попасть, осмотреться. Может, что-нибудь и высмотрели бы...

Александр Герман, московский продюсер, в прошлом режиссёр, человек системный, хваткий, процветающий и благополучный, никогда и ничего не добился бы в жизни, если бы время от времени не решался на самые странные и дурацкие поступки.

...Год назад он ввязался в расследование убийства артистки Дольчиковой и обрёл жену-сценаристку, тещу – королеву-мать, тестя-генерала, дочь-студентку и племянника-африканиста^[1]! Впрочем, Даня Липницкий никакой не племянник, а скорее тоже сын. В кроне семейного древа Липницких-Морозовых-Германов легко заблудиться, как в том самом дубе, который у Лукоморья. Там ещё золотая цепь и кот!.. Так и у них.

Герман переложил на диване свою дублёнку и пошарил в карманах.

– Попасть в дом хорошо бы, – пробормотал он и выложил на стол связку ключей на автомобильном брелоке. – Попробуем? Может и попадём!..

Тонечка уставилась на связку.

– Я забрал из красной машины, – пояснил её муж. – Когда двигатель глушил, а потом сунул в карман и забыл. Тут только один ключ автомобильный, остальные скорее всего от дома.

Тонечка перебирала ключи с таким восторгом, словно муж преподнёс ей букет орхидей.

– Вот этот точно от наружного замка, а этот, скорее всего, от внутреннего... Саша! Ты гений! – И она бросилась ему на шею.

– А что ты там собираешься высмотреть? Есть идеи?

– Конкретных пока нет, но мне, например, очень любопытно, почему на кухне полный порядок и райский рай, а гостиная вся разнесена по кирпичикам! А это, считай, одна комната!

Герман немного подумал:

– Может, потому что они в гостиной подрались? А не на кухне?

– Или потому, – подхватила Тонечка, – что устроить образцово-показательный разгром в одном помещении проще, чем в двух. Особенно ночью и чтоб без лишнего шума. Хорошо бы ещё с соседями поговорить, может, ночью кто-то что-то видел или слышал?

– Как ты это себе представляешь? Поговорить с соседями?

Тонечка махнула рукой.

– Ну, это очень просто придумать. Придумывать вообще просто!

Герман усмехнулся.

– Кому как.

– Мне просто. Саша, я хочу такую собаку! Вот именно такую, ты посмотри только!..

Ему опять понадобилось несколько мгновений, чтоб сообразить, о чём речь.

Диковинное существо с не менее диковинным названием «пражский крысарик» устроилось на коленях у хозяйки столбиком и влажными оленьими глазами наблюдало за происходящим в лобби. Оно не тьякало и не тряслось, вид заинтересованный, но понятно, что настороже.

– Можно я подойду уже?!

– Они заняты, Тоня!..

К женщине с «прекрасной собакой» размашистым шагом подходила девица в красной куртке. Она уселась напротив и начала сразу очень громко, на весь лобби-бар:

– Здрасти, Галина Сергеевна, что за спешка? Я занята, у меня маленький, а вы звоните, житья никакого нет! Вам чего, денег

жалко? Ну, так всё равно придётся отдавать!..

– Милана, – взволнованно отвечала женщина с «прекрасной собакой», – вы меня извините, конечно, но ведь собака не может у меня оставаться! Она уже большая, восемь месяцев скоро, ей дом нужен!..

– Выдумали тоже, – фыркнула девица и посмотрела на пражского крысарика, как показалось Тонечке, с отвращением. – Она ж не на улице зимует! Я вообще хотела на вас в суд подавать! Только я человек не скандальный, повезло вам!

– В суд?! – изумилась женщина, и вид у неё стал совсем несчастный. – На меня?!

– И на собак ваших, – продолжала Милана с чувством, – и вот, ей-богу, подам, если вы не отвяжетесь!

– Я?! – опять повторила женщина.

– Да, вы, вы!.. Вы же нас надули!.. Да ещё как ловко! Мама у вас зачем собачку брала? Мама брала, чтоб маленький в неё игрался!.. А собачка ваша чокнутая, с маленьким не играет, только прячется по углам! А в ванной запрёшь, так она оттуда лает, будит его!.. Я так маме и сказала, забирай от нас и отдавай обратно!

Галина Сергеевна посмотрела на собеседницу с некоторым отчаянием, а собака точно с таким же отчаянием не отводила глаз от Галины Сергеевны. Вообще при появлении Миланы она заметно взволновалась, задрожала и пыталась спрятаться под стол.

– Мы, должно быть, все друг друга не поняли, – проговорила наконец Галина Сергеевна, и щёки у неё покраснели. – Ваша мама брала собаку в подарок дочери, то есть вам, как я понимаю. Про ребёнка она ничего не рассказывала! Эти собаки не годятся для маленьких детей, что вы!.. Это собака-компаньон для взрослых, за ней особый уход нужен, пригляд.

– Мне ещё за собакой ухаживать не хватает! – Девица покрутила головой, как будто собеседница сморозила невесть какую глупость. – Забирайте, а деньги возвращайте! Хорошо, я человек отходчивый, не скандальный, а то бы в суд подала! За обман!

Галина Сергеевна вдруг посветлела лицом:

– То есть вы её возвращаете совсем? Ваша мама, когда мне её привезла, сказала – на передержку.

– Что ещё за передержка! – возмутилась девица. – Забирайте обратно и нянчитесь с ней, сколько хотите, только деньги верните все до копеечки, а мне такой радости не надо! Я думала, с ней маленький играть будет, а она не даётся! И чего? Какой от неё прок?

Галина Сергеевна под столом погладила собаку, та вынырнула, и они посмотрели друг на друга, обе радостные.

– Ну, конечно! – Галина Сергеевна уселась свободней, и крохотное ушастое существо опять устроилось у неё на коленях заинтересованным столбиком. – Давайте завтра? Только не здесь, мне сюда ехать неудобно!

– Зато мне удобно, – отрезала девица. – Вы ещё покапризничайте! Скажите спасибо, что мы ...

– В суд не подадим, – неожиданно подхватила Тонечка, поднялась и подошла к троице.

Герман несколько не удивился, чего-то в этом роде он и ожидал, странно, что его жена терпела так долго.

– Меня зовут Антонина Герман, – представилась Тонечка для солидности мужниной фамилией. – Я из Москвы. Разрешите присесть?

– Конечно, – пробормотала Галина Сергеевна, двигаясь вместе с креслом и словно давая Тонечкиному креслу больше места.

– Короче, завтра в семь здесь, и чтоб всё до копейки, – распорядилась девица.

– Какая прекрасная маленькая собака, – не обращая на девицу никакого внимания, заговорила Тонечка, обращаясь исключительно к Галине Сергеевне. – Я знаю эту породу! Она страшно редкая и ценная! Ещё со времён Средневековья!

Женщина покивала. Кажется, собака покивала тоже.

– Пражских крысариков дарили друг другу европейские монархи, – продолжала выступление Тонечка, – они очень ценились и стоили, как небольшое имение!..

Девушка Милана перестала натягивать куртку, замерла и стала слушать.

Герман потешался.

– Они душили амбарных крыс, разносчиков чумы. Этим собакам носили в сумках, и они спасали вельмож от карманных воришек!

Галина Сергеевна улыбнулась и погладила свою собаку.

– Так оно и есть. А у вас крысарик?

– Я о нём мечтаю! – воскликнула Тонечка пылко. – Во Вторую мировую порода почти погибла, и потом пришлось кропотливо восстанавливать! Эти собаки – мировое достояние!..

Милана недоверчиво посмотрела на собаку, словно прикидывая, что из неё можно извлечь.

– Вы ещё здесь? – вдруг обратилась к ней Тонечка. – Вы свободны, можете идти.

Это было сказано таким тоном, что девушка неожиданно для себя подхватила с кресла сумку и быстро посеменила к выходу. Тонечка и Галина Сергеевна смотрели ей вслед. Она дошла до двери, остановилась, потрясла головой, словно прогоняя наваждение, оглянулась на них и вышла.

– Какая прекрасная маленькая собака, – заговорила Тонечка совсем другим голосом. – Я сразу хотела подойти, а мне муж говорит – не приставай!..

– Да, видите, какого я маху дала, – Галина Сергеевна улыбнулась. – Иногда трудно разобраться! Покупательница сказала, что взрослой дочери хочет подарок сделать, а про ребёнка ни слова! Конечно, они не для детей, собаки эти! Детям нужен лабрадор брать...

Она опять погладила собаку. Та внимательно следила за Тонечкой.

– Придётся нам с тобой новый дом искать, – сказала Галина Сергеевна. – Ну, ничего, хорошо, что без потерь вернули. Запуганная,

конечно, но очухается! Они такие умные.

– Можно мне её поддержать?

Галина Сергеевна посмотрела на Тонечку и отказала вежливо, но твёрдо.

– Зачем собаке лишние надежды? Вы же её не возьмёте! А она и так понимает, что от неё отказались. Вот уже неделя, как вернули, и всё время в плохом настроении, не отходит от меня. Мы лучше поедem, нам в Автозавод, далеко.

– Завтра увидимся, – быстро сказала Тонечка. – Вы же приедете!..

Галина Сергеевна рассеянно кивнула.

– Как это я не разобралась сразу! – сама себе сказала она. – Чуть не погубила собаку-то!..

– Тонечка, – окликнул Герман негромко.

Ему было совершенно ясно, что через пять минут его жена вернётся к столику с этой самой собакой!..

Она подошла, вид немного рассерженный.

– Саш, ну что такое? Я просто разговариваю!

– Если ты хочешь ехать к Кондрату, поедem.

– Нет, но это же совершенно замечательная маленькая собака!

– Это организм, а не собака! Зачем она тебе?

– Мы с ней вместе будем сценарии писать. И она станет со мной спать.

– Я уже сплю с тобой, – сообщил Герман, – место занято.

– Ну, Саша!

– Ну что – Саша?! И у нас же Черри!

Черри – веселая рыжая колли – на самом деле принадлежала тестю-генералу, но от души жила на два дома, и у тестя, и у Тонечки с мужем.

– Черри не моя собака, – заныла Тонечка. – А я хочу свою!.. Она будет сидеть у меня на руках, когда я пишу.

– А когда ты на совещании, она где будет сидеть?.. В сортире, как у той дуры?..

Тонечка, открывшая было рот, чтоб продолжать ныть, осеклась и задумалась, но только на секунду.

– А я буду брать её и на совещания тоже! – И она подцепила мужа под руку. – Её никто-никто не заметит, она станет тихо-тихо сидеть у меня под свитером, а я буду много-много и быстро-быстро работать!..

Герман промолчал.

«Много-много» и «быстро-быстро» работать – это совсем другой разговор, из другой, деловой и торопливой московской жизни.

Тонечка писала сценарии, и делала это хорошо, но, с точки зрения её делового и расторопного мужа, медленно. Ему нужно было быстрее, как можно быстрее!.. Его воля, он заставил бы её писать все сценарии для его продюсерской компании. Она сопротивлялась, конечно, но всё равно чувствовала себя виноватой – опять задержала, подвела, а то и не угодила, нужно переделывать, а производство стоит!

...Возможно, он слишком на неё давит, но деньги нужно зарабатывать изо всех сил, каждую минуту, не делая никаких поблажек, не позволяя расслабляться ни себе, ни окружающим, близким и далёким!..

«Я так не могу, – жалобно говорила Тонечка, шмыгая носом после очередного его выговора, – как ты не понимаешь, мне нужно подумать, помолчать, посидеть. Иначе я напишу какую-нибудь ерунду!»

«Ну, ерунду ты в любом случае не напишешь, – отвечал он сердито, – а думать и вздыхать некогда, нужно работать!»

Так у них и не получалось договориться, и это немного беспокоило его. Он никогда не упускал своего и любое безделье считал преступлением, а она качалась в гамаке, играла с собакой, грызла яблоко, и при этом у неё получались лучшие сценарии на современном отечественном телевидении!.. Он не очень понимал, как это ей удаётся, но из такого умения нужно извлекать прибыль, постоянно, ежедневно, а она... в гамаке качается, теряет время!..

Мысль о том, что «лучшие сценарии» как раз и получаются в основном из бездумных качаний в гамаке или созерцания июльских облаков, в голову ему не приходила.

– Са-аш, – сказала Тонечка дурацким голосом, когда он запустил двигатель машины, – подари мне собаку. Пражского крысарика! А?..

– Лучше скажи мне, зачем мы на самом деле едем к Ермолаю.

– Ну и пожалуйста, – Тонечка отвернулась и стала смотреть в окно. – Ну и сколько угодно.

Снег под вечер опять повалил, в свете фонарей густо сыпались крупные хлопья, и многочисленные следы, которыми был затоптан двор, уже замело.

Герман остановил машину у ворот, заезжать не стал. Тонечка распахнула пассажирскую дверь и посмотрела вниз.

Земля была далеко.

– Купил бы приставную лестницу, что ли, – пробормотала она. – Как пить дать, навернусь.

– Подожди, я тебе помогу.

Но она, разумеется, сама выпрыгнула из салона и пошла к калитке. Снег скрипел у неё под ногами.

Герман отчего-то чувствовал виноватым себя, а злился на Тонечку. Это было новым в его жизни – теперь всегда и во всём или почти всегда и почти во всём оказывалась виновата она!

Тонечка осторожно зашла на участок – он казался совсем не таким, как при свете дня, притихшим, настороженным, с глубокими тенями вдоль забора, похожими на провалы в черноту. Со стороны будки забренчало, и выбрался, волоча за собой цепь, кудлатый пёс. Он взглянул на Тонечку, потянулся и зевнул во всю пасть.

– У тебя хозяина забрали, бестолочь, – сказала она псу. – А ты спишь без задних ног!

Пёс вильнул хвостом.

– Саш, как его зовут, я забыла?

– Ямбург. Кондрат его с газовой станции привёз, как раз из-под Ямбурга.

– Что делал твой друг на газовой станции под Ямбургом?

Герман ничего не ответил.

...Э-э-э, нет, подумала Тонечка, так дело не пойдёт. Ты всё мне выложишь, милый. Я твоя жена, и именно я в данный момент стараюсь вызволить твоего друга из передраги!..

Впрочем, с расспросами можно подождать.

– Открывай скорей! Холодно, и лучше на крыльце просто так не маячить.

Герман открыл дверь – она не была опечатана, – они оказались внутри дома и замерли. Было очень тихо, слышно, как на кухне капает в раковину вода.

– Как ты думаешь, – зашептала Тонечка, в такой зловещей тишине по законам жанра следовало шептать, – он собаке сухой корм даёт или похлёбку варит? Первое, второе, третье и компот!

– Он может, – тоже шепотом подтвердил Герман, рассердился и заговорил в полный голос: – Что ты тут хотела найти? Ничего мы не найдём, темнота хоть глаз выколи.

– Мы задёрнем шторы и включим свет, – бодрым шёпотом ответила Тонечка. – Не бойся, Саша, я с тобой!

– Я ничего не боюсь.

Битое стекло и черепки захрустели, потом что-то зазвенело и покатилося.

– Осторожней, Тоня!..

Послышался шелест – Тонечка зашторивала окна.

– Я всегда думала, – донесся до него её шёпот, – что писать сценарии – самая безобидная и мирная работа на свете. Сидишь себе и пишешь. Пишешь, да и сидишь себе!..

Герман подошел к другому окну, засиневшему в темноте, как только привыкли глаза, и задёрнул плотную занавеску.

– Ох, ёлки-палки! – Она обо что-то споткнулась. – Можно зажигать, Саш!

Оба зажмурились от света, хлынувшего со всех сторон, а потом стали озираться.

В огромной комнате ничего не изменилось – ни в той половине, где был мир и покой, ни в той, где Мамай прошёл.

– Да уж, – сказал Герман в конце концов. Разгром при электрическом свете производил какое-то новое, ошеломляющее впечатление. – Что тут у них случилось?..

Тонечка зашла на половину кухни и уверенно полезла в шкаф.

– Что ты ищешь?

– Я хочу посмотреть ещё раз. Я уже днём видела эту штуку!..

Она вытащила из ящика свёрток тёмной кожи, перевязанный бечёвками, положила на стол и стала развязывать.

– Это ножи, целая раскладка, – Тонечка оглянулась на мужа. – Ножи всегда собственность повара. Всякое кухонное оборудование, продукты и прочее – собственность ресторана, а ножи у поваров всегда свои. И вот у меня вопрос! Если твой друг зарезал супругу, то чем?

Герман подошел к ней и стал рассматривать сверток.

– В ящиках только серебряные приборы, ими не нарежешь! Никаких тесаков и топоров на поверхности нет. То есть они наверняка где-то есть, но не под рукой. А здесь всё цело!..

И Тонечка откинула последнюю часть раскладки.

И уставилась на ножи в изумлении.

– Одного ножа не хватает, – констатировал Герман. – Как раз самого большого.

Тонечка кинулась к ящику, заглянула, а потом зашарила в глубине.

– Саш, ты понимаешь, что днём все ножи были на месте?! Я тебе точно говорю, я смотрела!

– Ты не заметила.

– Я всё заметила! И я клянусь тебе, они все были здесь! Каждый в своём кармашке!..

Герман подумал немного.

– Давай поищем... там? – и он кивнул в сторону разгрома.

– Его не может там быть, потому что днём он был в этой штуке!

– Кто-то мог взять нож из этой штуки и положить туда для достоверности картины. – Он махнул рукой в сторону разгрома. – Уже после того, как мы все уехали в отделение.

– Здесь всё заперли! А дверь просто так не взломаешь! Ты обратил внимание? У них как в бункере!

Тонечка выскочила в прихожую, выхватила телефон и стала светить фонариком в дверной замок.

– Не взломано тут ничего! Если открывали, то ключами! Саша!

– А?

– Я ничего не понимаю, – произнесла Тонечка жалобно. – Почему я не понимаю?!

– Я-то уж совсем ничего не понимаю, – пробормотал Герман. – Я же не пишу сценарии.

– При чём тут сценарии?!

Она вбежала на кухню и энергично почесала свои буйные кудри.

– Думай, думай, – велела она себе. – Предположение, что нож вынули из раскладки, чтобы подложить на место возможного убийства – чушь. Здесь сотрудники всё осмотрели, составили протокол и уехали, зачем подбрасывать нож после осмотра, для кого?.. Но всё же нужно попробовать поискать.

– Я попробую, – сказал Герман, перешёл на другую половину и устоялся в пол.

– И дверь, – продолжала Тонечка. – Дверь не взломана, а она совершенно точно была заперта! Значит, открывали ключами. Давай подумаем, у кого могут быть ключи.

– Я вынул связку из замка зажигания красной машины, – отозвался он, присев на корточки и осторожно рассматривая какие-то черепки. – Кондрат сказал, что это машина его жены.

– Стало быть, и ключи тоже её, – подхватила Тонечка. – Ну, у него свои ключи должны быть точно. Но он в кутузке. Остаётся тётя Мотя, которая днём вопила и билась.

– Она домработница и звать её Светлана Павловна Махова.

– Кстати, – Тонечка посмотрела на мужа с восторгом. – Кстати, это мысль! Она могла вернуться и подложить нож! Как раз для достоверности картины! Помнишь, она сразу стала кричать, что твой друг Кондрат сволочь и поганая свинья, допился и зарезал Леночку! Вряд ли она знает, что второй раз под протокол никто ничего не осматривает!

– Н-да... – пробормотал Герман.

Копаться в осколках и мусоре было противно. Он косился на зазубренные пики выбитых стёкол с подсохшими красными каплями, и от их вида его мутило.

– Он сильно пил? Твой повар?

– Не знаю, я давно его не видел. Раньше пил как все.

– Откуда он вообще взялся, Саш? Для чего мы сюда к нему поехали?

Он поднялся с корточек и переступил через опрокинутый стул.

– Я сто раз уже говорил!.. Старый приятель, позвал в гости, чего не съездить!

– Ну да, ну да, – согласилась Тонечка. – В Рим мы не полетели, потому что тебе некогда, а в Нижний Новгород – совсем другое дело, конечно! Чего не съездить...

Герман промолчал.

Тонечка вновь принялась открывать шкафы.

– Как ты думаешь, где может быть собачий корм?..

– Если первое, второе, третье и компот, то в холодильнике, а если мешок, не знаю где. Ищи.

– Какой ты умный, Саша.

Тонечка заглянула в холодильник, но там не было ничего, что могло сойти за собачий обед, и вообще готовой еды почти не было. Видимо, Кондрат Ермолаев готовил, что называется, «с ножа» – приготовлено, съедено, всегда свежее, всегда с пылу с жару!..

Зато холодная кладовая ломилась от припасов – здесь хранилось такое изобилие, что Тонечка несколько секунд озиралась в изумлении. На полках в образцовом порядке были разложены

пакеты и расставлены сверкающие банки, отдельно лежали приправы, какие-то стручки и ветки, плотно закупоренные стеклянные сосуды, в одном из них на дне оказался диковинный цветок. Спаржа, артишоки, фенхель, имбирь, сельдерей, какие-то травы, отдельно, за стеклом – десять сортов и разновидностей муки!

Как видно, повар еду любил, холил и лелеял!

– Саш, подойди! Посмотри, что тут!

Захрупало стекло, Герман подошёл и присвистнул.

– А собачьего корма так и нет?

– У него всё разложено идеально, у твоего Кондрата, – сказала Тонечка. – Такое только в кино показывают!.. Стало быть, и собачья еда должна храниться по всем правилам!

– Ты знаешь правила хранения собачьей еды?

– Из пакета пересыпать, закрывать крышкой, не на свету и не на жаре, – протараторила Тонечка. – Это все знают, у кого собаки. Пошли отсюда, а то мы тепла напустим! У него здесь аж два градусника, на этой стене и на дальней, видишь?

Они вернулись в кухню. Герман потёр затылок – голова начинала болеть как-то снизу, от шеи. – Ему хотелось скорее уехать отсюда, вернуться в «Шератон», съесть двойную порцию огненной ухи, выпить рюмку водки, завалиться на чистые простыни и спать до часу дня.

Но его жена искала собачий корм.

В самом углу кухни, за холодильником, обнаружился справный дубовый бочонок с плотной крышкой. Тонечка потянула, крышка открылась не сразу.

– Нашла!.. Саш, притащи с улицы миску!.. Она возле будки! Как же хорошо, сейчас собака наконец поест!

– Налей ему виски, – буркнул Герман, распахивая дверь. – Собака наконец выпьет!

– Уличные собаки, – вслед ему проговорила Тонечка, – зимой едят снег, а виски они не пьют! И воду они тоже не пьют! Им хватает снега!

Миску с едой она вынесла сама, чтобы послушать, как пёс станет радостно и упоительно хрустеть, и, понаблюдав немного, вернулась в дом.

– И всё-таки, куда мог деться нож? Кто его взял?.. И зачем?..

– Может, поедет? – попросил Герман, чувствуя, что малодушен и жалок. – Ну сил никаких нет, Тоня!

– Поезжай, – тут же откликнулась Тонечка. – А я тут ещё побуду, потом выйду к магазину и вызову такси. Всего и делов!

– Я так и думал.

Некоторое время они молча копались в обломках и черепках. Герман сердито, а Тонечка задумчиво.

– Нет здесь ножа.

– Зато смотри, что я нашла!..

Она подняла с пола пухлый том, переплетённый малиновым, и стала дуть на обложку. С неё посыпались земля и мелкие стеклянные крошки.

– Мы станем читать вслух?

– Это альбом с фотографиями, балда, – сказала Тонечка. – Дивная вещь, таких давно ни у кого нет.

Герман вздохнул. Тонечка открыла первую страницу.

– Смотри, фотографии совсем новые! Прошлая осень, а тут Новый год. Везде даты стоят! Твой Кондрат любитель семейных альбомов?

– Я не знаю.

– А ты вообще что-нибудь про него знаешь?

– Я точно знаю, что он не мог убить жену, – заявил Герман. – Вот это я знаю!

Тонечка захлопнула альбом и сунула его в рюкзак.

– Дома посмотрим, – решительно проговорила она. – Саш, я схожу на второй этаж, ладно?

– А там тебе что понадобилось?!

Она пожала плечами.

– Ну, просто посмотреть. Мы же должны понимать, как они жили! Вдруг у них разные спальни и всякое такое.

– Да какая нам разница, какие у них спальни?! – почти зарычал Герман. – И вчера Кондрат наверх не ходил! Он лазал в подвал за яблоками! И вообще, давай уже поедem отсюда!

Тонечка с сочувствием поцеловала его в щёку, выбралась в коридор и зажгла свет.

И тут же позвала негромко:

– Саша...

Он моментально подскочил к ней – голос не обещал ничего хорошего.

– Смотри, – теперь она шептала. – Вон, на третьей ступеньке.

Герман отсчитал ступеньки. На третьей была разлита вода, небольшая лужица.

Он посмотрел на жену.

– Наверху кто-то есть, – прошептала она, и глаза у неё округлились. – Это снег. По лестнице прошёл человек, с ботинка отвалился снег и растаял.

Он даже не стал спрашивать: ты уверена? Он сразу понял, что она права.

...Чёрт возьми, чего-то в этом роде он и ожидал! Всё сразу пошло наперекосяк, недаром ему так отчаянно хотелось отсюда уехать!

Он отстранил Тонечку с дороги и стал подниматься по лестнице.

– Саша, стой! Не ходи!

Но он не слушал. Она догнала и вцепилась ему в рукав:

– Стой, мы не знаем, кто там!..

Он оторвал от себя её руку и пошёл дальше, прикидывая, где может быть выключатель. Нужно сразу зажечь свет!.. Если на втором этаже кто-то есть, значит, он давно их слышит и видит. И он готов!..

– Тоня, не ходи за мной!

Он перемахнул сразу через две ступеньки, нашарил выключатель, вспыхнул свет.

Возле чёрного провала распахнутой двери стоял наизготовку человек с длинным ножом в руке.

– Не подходи, – негромко сказал он, и свет блеснул на лезвии. – Я не дамся.

– Тихо, тихо, тихо, – быстро проговорил Герман. – Ты кто? Как ты сюда попал?

– Прочь с дороги, – приказал человек. – Ну?!

И головой вперёд, как в воду, кинулся на Германа. Тонечка взвизгнула.

– Стой, кому говорю! – Герман перехватил руку с ножом, выбил, нож дзинькнул и покатился. Человек дёрнулся, вывернулся, странно извиваясь – в руках у Германа осталась куртка, – и помчался к лестнице.

Какое-то молниеносное движение, сдавленный крик, и человек кубарем покатился вниз.

Герман ринулся за ним, следом Тонечка.

Человек сидел на полу возле лестницы, держался за локоть и скулил.

– Вставай, – сказал ему Герман. – Или ты ноги переломал?

Незнакомец неуклюже поднялся.

Тонечка подумала, что все драки в сценарии нужно срочно переписать. Нынешняя возня с незнакомцем так отличалась от киношных драк! Неприлично писать такие глупости, которые она писала до сегодняшнего дня. В жизни так не бывает..

– Иди туда, – Герман подтолкнул человека к кухне и повернулся к жене: – Что ты сделала? Почему он упал?

Тонечка пожала плечами с независимым видом.

– Подножку поставила, – сказала она и зачем-то отряхнула свитер. – Мы в университете всё время на «Динамо» бегали, и мне всё время подножки ставили. Я плохо бегала! И всё время падала. И решила тоже научиться и всем ставить!

– Молодец, – похвалил Герман. – Научилась.

Незнакомец стоял посреди кухни, ссутулив плечи и опустив длинные, словно обезьяньи, руки.

– Ты кто такой? – Герман взял стул, уселся и положил ногу на ногу. – Как ты сюда попал?

Человек дёрнул шеей, и только тут Тонечка его рассмотрела. Он был совсем юный и какой-то... грязный, словно никогда не умывался. Сальные волосы косицами свешивались на лоб, на впалой щеке то ли шрам, то ли пятно. И лицо словно из острых углов.

– Я... эт самое... почапаю, – заговорил человек хрипло. – А? Ты меня не видел, я тебя не видел. Досвидос. А?

– Поговорим, и почапаешь, – пообещал Герман. – Ну? Кто ты такой? Как в дом попал?

Человек пожал плечами. Скулы у него постепенно наливались нездоровой краснотой.

Тонечка соображала.

Взяла стул, подвинула парню и велела ему:

– Садись. Как тебя зовут?

Тот усмехнулся.

– А тебя?

– Меня Антонина Фёдоровна, – сказала она, не дрогнув. – А это Александр Наумович.

Парень вдруг хохотнул:

– Еврей, что ли?..

– Как тебя зовут?

– Петя. Или Вася. Чё ты мне сделаешь, мужик? – вдруг напал он на Германа. – Я ща пойду, ты чё, наручники на меня наденешь?

– Надаю по заднице, – ответил Герман равнодушно, и это равнодушие, казалось, задело парня. – И сдам в участок. Ты как в дом попал, Петя или Вася?

– А ты как, дядь?

– Мне хозяин ключи оставил. Тебе тоже оставил?

– Открыто было!

– Не брешу.

Тонечка, стараясь быть как можно менее заметной, обошла их по кругу, вышла в прихожую и на всякий случай заперла входную дверь

– мало ли, вдруг на самом деле побежит? Потом тихонько поднялась на второй этаж, подобрала нож, внимательно его осмотрела, понюхала и осторожно прошла в комнату – ту, где было открыто.

Быстро вышла оттуда и сбежала по лестнице.

Внизу дело никуда не продвинулось.

– Отцепись, дядя, – гундосил парень. – Хошь, пойдй проверь, я ничего не крал, блин!..

– Как ты вошёл? Кто тебя пустил?

Тонечка положила руку мужу на плечо и тихонько нажала. Он посмотрел вверх, на неё.

– Ножом из раскладки он резал колбасу, – сказала жена негромко. – В спальне.

...Другой, что ли, нож найти не мог, зачем он полез в раскладку? И почему он поперся на второй этаж? – мелькнуло у нее в голове.

– И чё?! – вскинулся парень. – Я жрать хотел! И щас хочу!.. Нельзя, что ль?!

– Можно, можно, – успокоила Тонечка. – Ты расскажи нам, как всё было, и мы от тебя отстанем.

Герман вдруг на что-то решился. Тонечка почувствовала это ладонью – плечо под её рукой дрогнуло и окаменело.

– Ты Родион? – спросил Герман. – Тебя Кондрат разыскал?

Парень дёрнул головой – дрогнули сальные косицы – и кулаком сильно потёр нос.

– Родион? – переспросила изумлённая Тонечка. – Раскольников?

– То есть, ты в курсе, что ль, дядя?

Герман кивнул:

– До некоторой степени.

– И... чё теперь? – спросил парень. – Где Кондрат? И чё тут было ваще? Разборки?

– Мы не знаем, – сказал Герман. – Но нам нужно уходить отсюда. Поедешь с нами.

– Чё это я поеду? – пробормотал парень, и стало ясно, что поедет. – Меня Кондрат позвал, а без него я не согласен!..

– На нарах Кондрат, понятно?! И давай не бузи, я устал очень. Тоня, гаси везде свет.

– Саш, – тихонько проговорила Тонечка. – Можно я тоже спрошу, что здесь происходит?

– Можно, – разрешил Герман. – Где его куртка?

– Ты бросил её на лестнице.

– Принеси.

Тонечка принесла куртку. Вся её жизнерадостность улетучилась, теперь ей хотелось только одного: вернуться в отель и хорошо бы заодно уж во вчерашний день, где её придуманная героиня пряталась в придуманном сарае от придуманных бандитов.

– Кондрат говорил, ты приедешь через три дня.

– А я сегодня, и чё?!

Тонечка машинально вымыла нож и сунула его на место, в кожаный чехол.

– Тоня, что ты там копаешься?! Выходи, я дверь закрою.

Тонечка вышла во двор. Снег всё летел, но стало как будто теплее. Она задрала голову, посмотрела в тёмное небо и вдруг удивилась – из такой темноты сыплется такой белый снег!.. Он возникал из небытия где-то прямо над головой, и хотелось поднять руку, чтобы пощупать, откуда он берётся.

Парень по имени Родион мялся возле машины, не решаясь ни сесть, ни убежать, нерешительность была написана у него на лице.

– Залезай давай, – велел Герман, стянул дублёнку и швырнул в салон. Он никогда не ездил за рулём в верхней одежде.

– Ага, – прогундосил парень, – я-то залезу, а ты меня копам сдашь?..

– Копы в Америке, – сказал Герман. – А до Америки далеко. Садись!

Парень неловко полез на заднее сиденье. Тонечка посмотрела в окно.

В машине быстро стало тепло, от куртки парня несло какой-то дрянью – то ли гарью, то ли резиной. В молчании они доехали до

Театральной площади, на которой сияли фонари, а по улице Большой Покровской прогуливался праздный народ и какой-то уличный музыкант играл на аккордеоне – жизнь!..

– Останови, дядя, – сказал парень. – Я здесь сойду.

– Ответишь на пару вопросов и вали, – Герман приткнул зелёного бегемота, гордость британского автопрома и, возможно, короны, к сугробу.

Родион поёрзал на заднем сиденье, одним движением наотмашь распахнул дверь, чуть не вывалился, сиганул и дал стрекача напрямик через сквер.

– Стой! – заорал Герман и дёрнулся за ним.

Тонечка вышла из машины, вытащила рюкзак, захлопнула дверь и потихоньку пошла по расчищенному тротуару к сверкающему подъезду «Шератона».

Герман нагнал её уже на ступеньках.

– Утёк, – он опёрся руками о колени и шумно выдохнул. – Прямо по сугробам и... туда куда-то, за дома.

– Марафонец, – констатировала Тонечка и зашла в отель.

В номере она сразу отправилась в душ и поливала себя горячей водой до тех пор, пока её муж не зашёл и не сказал, что она вот-вот сварится, пора выходить.

Тонечка, решившая, что разговаривать с ним ни за что не станет, повернулась спиной и переключила воду – теперь лилось прямо с потолка, и это было удивительно приятно.

Однако её эскапада дала совершенно неожиданный эффект. Муж, с которым она не желала разговаривать и видеть его не могла, как только она повернулась спиной, моментально стянул с себя футболку и джинсы вместе с трусами, распахнул стеклянную дверь и схватил Тонечку за бока.

Она взвизгнула и попыталась высвободиться, но не тут-то было. Он был не слишком высок, но широк и силен, не Тонечке тягаться. Он как-то ловко схватил её за руки, прижал их к бокам и обнял, не давая вырваться.

– Что ты надулась как мышь на крупу? – Он поцеловал её в шею с одной стороны. Вода валилась им на головы, шумела и сверкала. У Тонечки в голове тоже зашумело и засверкало. – Я забыл про этого парня начисто, только и всего.

И он поцеловал её в шею с другой стороны.

– Мне Кондрат что-то такое говорил, но я его плохо слушал, – и он поцеловал её в губы. – В чём я провинился?

– Сейчас ты используешь незаконные методы воздействия. На меня.

– О, да!..

– Ты не хочешь мне ничего объяснять и пристаёшь!

– Ну, конечно.

– Я не стану с тобой разговаривать!

– Правильно.

– Саш, отпусти меня!

– Легко.

Он разжал руки и даже развёл их в стороны, и Тонечка вместо того, чтобы с достоинством – или его остатками – удалиться, кинулась ему на шею.

Ну, не удержалась.

Ну, что теперь поделаешь.

Он был весь крепкий, ладный, немного волосатый – ей это особенно нравилось. Ей нравились даже его уши, с которых катилась вода, на мочках висели капли!.. Тут ей вспомнилась Анна Каренина и что-то такое гадкое про уши её мужа, но она воспоминание прогнала.

Её собственный муж стоял под душем, раскинув руки, и не предпринимал никаких попыток продолжить применять незаконные методы воздействия! Тогда она налила себе в ладошку вкусно пахнущего геля из бутылочки и стала водить по его телу скользкими горячими руками.

Некоторое время он продержался, конечно, только принимая и не отдавая, но не выдержал. Слишком уж много было горячей воды,

гладкой чистой кожи, скользящих движений – буйства телесного, живого, выставленного напоказ, бесстыдного.

Он попытался перехватить инициативу, но она не разрешила, продолжая искушать и получая от этого удовольствие. Она иногда даже вздыхала прерывисто – от восторга.

Понимая, что долго не протянет, он вытолкнул её из душа. Совершенно мокрые, они упали на кровать и стали по ней кататься.

– Ты моя, – грозно заявил он ей в самый ответственный момент. Ему это было очень важно. – Ты только моя.

Тонечка принимала его со всё тем же первобытным восторгом, ей хотелось ещё больше, сильнее, и чтоб он тоже принадлежал ей целиком, до самой последней молекулы, и тогда... тогда... тогда... на несколько мгновений всё в мире изменится, мир изменится сам, и она станет частью этого изменившегося волшебного мира!..

...Очень быстро она замёрзла и забралась под одеяло, а ему было невыносимо жарко. Он лежал, раскинувшись, и тяжело дышал.

В этот момент он чувствовал себя полным, окончательным и вечным победителем.

– Я тебя люблю, – сказал он, не открывая глаз.

– Слияние душ, слияние тел, – пробормотала Тонечка, – со мной он делал, что хотел.

Герман открыл глаза, посмотрел в потолок и захохотал.

– Что ты? Я сочиняю любовные стихи.

– Давай закажем в номер поесть и выпить?

– Мне уху, – тут же отозвалась его романтическая жена, – можно двойную. Ещё форшмак и ледяной водки! И томатного сока! И пирожное с кремом! Саш, я толстая?

Он опять захохотал, поднялся, не стесняясь и не прикрываясь, подошел к телефону и заказал еды и водки.

– Одеяло совсем мокрое, – Тонечка, взбрыкивая ногами, пыталась найти местечко посуше. – Может, ещё и одеяло попросить?

Герман вновь было взялся за трубку, Тонечка подскочила и отобрала.

– Ещё не хватает! Давай лучше на батарее посушим!

– Как в общежитии? – осведомился Герман, стянул одеяло с кровати и стал откидывать занавески в поисках батареи. – Мы в общежитии всегда так одеяла сушили. После лета! Когда их раздавали, они были... совсем сырые.

– Ты жил в общежитии? – спросила Тонечка. – Ты же москвич, какая общежития?!

– А батареи-то и нету, – объявил Герман. – Тут всё по-модному, в полу конвектор. Бросить одеяло сверху? Высохнет?

Тонечка в ванной включила фен и принялась сушить волосы. Они всегда плохо сохли, их было слишком много, и они слишком буйно кудрявились. Фен приятно дул ей в лицо тёплым воздухом, она время от времени прикрывала глаза и размышляла.

...Её муж, оказывается, вовсе не делит с ней жизнь. Нет, у них, разумеется, есть общее бытие, но разница в том, что Тонечкина жизнь этим общим бытием и ограничивается, а его – вовсе нет. Она понятия не имеет, сколько всего там осталось – за границей круга. Должно быть много! И он не хочет это с ней делить.

Он так ничего и не рассказал про Кондрата Ермолаева, и непонятного парня по имени Родион он, оказывается, знал!

Тонечка, прожившая последний год, как в раю, вдруг усомнилась, что это рай, а не театральная декорация с голубым небом, позолоченными деревцами и хрустальными бубенцами.

Она усомнилась и перепугалась. Вдруг она обманулась, и на самом деле нет никакого рая и того, кто этот рай создал?.. Вдруг она всё придумала, а он только немного подрисовал картину, которую она с таким упоением придумывала и воплощала?..

Муж и жена, говаривала её мама Марина Тимофеевна, одна сатана.

...Сатана?..

Впрочем, она говорила ещё так: если ты в чём-то сомневаешься, или не уверена, или опасаясь, у тебя есть только один выход – поговорить. Не нужно ничего выдумывать за другого человека, не

нужно никаких сложных построений на пустом месте. Если хочешь получить ответ – задай вопрос.

Тонечка выключила фен и крикнула в сторону комнаты:

– Кто такой Родион? И откуда он взялся?

– Племянник Кондрата, – тут же отозвался муж. – Выходи, что ты там опять застряла!

– Пф-ф-ф, – сказала Тонечка своему отражению в зеркале. Такого скорого сюрприза она не ожидала. – Племянник!..

– Ну да, племянник, – подтвердил Герман, входя в ванную. – У Кондрата была сестра, умерла, остался мальчишка. Его забрали в детдом. Кондрат узнал о нём недавно, стал искать, просил меня помочь. Я помог.

– У тебя связи в детских домах? – Тонечка накинула халат, туго-туго затянула пояс, чтобы не допустить вольностей, подвинула мужа с дороги и прошла в комнату.

Он пожал плечами ей вслед и тоже облачился в халат.

– У меня связи в телевизионных программах, шери, – иногда он почему-то так её называл, на французский манер, а ещё, уж по совсем непонятной причине, Ефим Давыдович. – Вроде, например, «Ищу тебя»! Они и нашли.

– Где?

– Где-то в Угличе.

– А сколько ему лет?

– Семнадцать, – ответил Герман, не задумываясь. – В этом году школу заканчивает.

– А Кондрат хотел его забрать к себе, что ли?..

Тут её муж немного сбился с уверенного тона.

– Этого я не знаю. Но мы о нём... говорили вчера вечером. Кондрат беспокоился немного. Мы парня никогда не видели, ни я, ни Кондрат.

Тонечка посмотрела на мужа.

– А ты... где ты мог его видеть?

– Нигде, – буркнул Герман. – О чём и речь.

Она пристроила на колени локти и угнездила в ладонях подбородок.

– Саша, – начала она серьёзно, – мы с тобой можем говорить друг другу правду, только правду и ничего кроме правды. Мы... взрослые слишком! Мы потеряем уйму времени и совсем запутаемся, если станем друг другу врать, а времени у нас мало.

– Здравсти вам в шляпу, – Герман плюхнулся рядом с ней, подогнув под себя плотную волосатую ногу. – Ты собралась помирать или пытаешься сказать мне, что я лжец?

Она посмотрела на него.

– Я не лжец.

– Тогда расскажи мне, откуда ты знаешь Кондрата Ермолаева.

Он помолчал, и Тонечка, быстро взглянув на него, поняла, что правды он не скажет.

И опередила:

– Нет, не нужно! Лучше не говори. Я не хочу, чтоб ты мне врал, Саша!..

Он посидел, посматривая на неё. Такой пронизательности от жены он не ожидал.

– Я... потом расскажу, – пообещал он. – Только не придумывай ничего романтического! Кондрат не выносил меня раненого из-под обстрела!..

Здесь он не соврал. Кондрат Ермолаев его действительно с поля боя не выносил.

– Но я хорошо его знаю. И знаю, что жену он убить не мог.

В дверь деликатно постучали, Тонечка подбежала и открыла. Официант в накрахмаленной форме вкатил столик, уставленный кушаньями и напитками.

– Если сюда поставлю, будет удобно? Карточка или наличные?

– Карточка, – подал голос Герман, поднялся и стал шарить по карманам дублёнки.

– Тоня, ты не брала мою карточку?

– У меня своих навалом, – отозвалась Тонечка и улыбнулась официанту, который рассматривал её. – А что?

– Пропала куда-то. Я сейчас другую достану.

Он вынул из бумажника карточку, аппарат заурчал, чек выполз.

Герман проводил официанта и продолжил шарить, уже в карманах джинсов.

Тонечка наблюдала за ним.

– Да нет, ну была у меня с собой карточка, – бормотал её муж. – Мы на заправку заезжали!.. Я бумажник здесь оставил, а карточку взял на всякий случай.

– И где она?

– Да шут её знает.

Тонечка подошла и тоже поискала – последовательно в джинсах, в кофте, в дублёнке.

Карточка пропала.

– А когда ты в машину сел, дублёнку куда дел? Ты же всегда её снимаешь!

Он подумал немного.

– Как всегда, на заднее сиденье кинул.

– Поздравляю, – сказала Тонечка со всем возможным сарказмом. – Твой племянник жулик. Карточку спёр.

– Он не мой племянник, он Кондрата племянник.

Герман ещё раз облазил все карманы.

– Ты не поверишь! – Он покрутил головой. – У меня тыщу лет ничего не крали!

– Звони в банк, блокируй счёт.

– Да там денег всего ничего, тысяч пятьдесят, что ли.

Тонечка аж задохнулась от возмущения.

– Ничего себе! – закричала она и топнула ногой. – Пятьдесят тысяч для него не деньги!.. Если они тебе не нужны, отдай мне! Я маме куртку новую куплю, а Насте ботинки!..

– Хорошо, хорошо, – согласился Герман поспешно. – Отдам, конечно.

– Пятьдесят тысяч ему не жалко, – продолжала возмущаться Тонечка. – Их ещё пойдёшь заработать! А ты какому-то прохиндею хочешь...

Тут она осеклась.

Пока Герман звонил в банк, она молча думала, даже уху не ела.

– А с чего мы взяли, – начала она, как только он нажал отбой, – что этот парень действительно племянник?.. Ты говоришь, что никогда его не видел.

– Не видел, – согласился Герман и снял с тарелки металлический колпак. Сразу в номере вкусно запахло и на душе сделалось веселее.

– Тогда почему мы решили, что это – он?

– Потому что я назвал его по имени, и он удивился, что я его знаю.

– А если б ты назвал его Александром Македонским и он удивился, что его знаешь, тогда как?..

– Ты хочешь сказать?..

– Я хочу сказать, – Тонечка отхлебнула ухи и зажмурилась, так было вкусно и горячо, – что мы с тобой застали в доме твоего друга какого-то подозрительного типа с ножом. И тут же решили, что он есть потерянный в младенчестве племянник, а оказалось, что он заурядный жулик!.. Может, он видел, как хозяина забрали, и решил вечером навестить пустой дом. Поживиться не удалось, мы ему помешали, так он хоть карточку у тебя стянул!

– Ну, давай по первой, пока холодная!

Герман разлил водку, полюбовался на сразу запотевшую стопку, плотоядно ослабил, коротко вздохнул и махнул одним глотком.

– Алкоголик, – пробормотала Тонечка, тоже махнула и следом отправила в рот ложку ухи. – А утром-то что было! Я больше никогда! Я ни за что! Я в рот не возьму!..

– Приятного аппетита, шер.

Она вытаращила глаза и вскрикнула:

– Колбаса! При чём тогда колбаса?!

– Колбаса ни при чём, – согласился Герман немного удивлённо. Он всё не мог никак привыкнуть к её перескакиваниям с мысли на мысль, с эмоции на эмоцию. – Мы заказали уху, форшмак, водки и пирожное с кремом. Колбасу не заказывали.

– Парень наверху в спальне ел колбасу, это совершенно точно! На туалетном столике валялись шкурки и крошки, и от ножа пахло!.. И почему он в спальне устроился?

– О чём нам это говорит?

– О том, что это какой-то странный жулик! Он забрался в дом и первым делом решил закусить хозяйской колбасой, что ли?.. И поспать в теплой постели?!

– Где нам теперь его искать, – задумчиво проговорил Герман. – Вряд ли он в дом вернётся...

– Зачем его искать?

– А если он на самом деле племянник Кондрата?

– Кондрата освободят, и он его сам найдёт.

Герман ничего не ответил, и она поняла, что это всё продолжение повести «Военная тайна». С племянником что-то связано, и муж знает, что именно, а она нет.

И правду он не скажет.

Тонечка доела уху, намазала на тонкую ржаную греночку форшмак, деловито отряхнула крошки с халата, потянула с пола рюкзак и вынула фотоальбом.

– Посмотрим?

Герман взглянул на альбом и скривился.

– Я не люблю фотографии чужих людей под пальмами и на фоне пирамид и новогодних ёлок.

– Ну, ты слишком придирчив, Александр Наумович. Нам же нужно узнать, как твой Кондрат жил и как жена его жила... Тем более, ты говорил, что он её бьёт, а она побои в сеть собирается выложить.

– Я так не говорил!.. Это жена так кричала, когда ночью приехала!.. А он её пальцем ни разу не тронул!

– Это он так сказал?..

– И он сказал, и я говорю! Кондрат женщин не бьёт. Никто из нас женщин не бьёт!

– Из кого – из вас? – осведомилась Тонечка, открывая первую страницу.

Альбом начинался с фотографии ослепительной красавицы в алом открытом платье и Кондрата Ермолаева, запакованного в негнувшийся костюм и белую сорочку, застёгнутую под шеей, как у американских фермеров пятидесятых. Вид у красавицы был загадочный, а у Кондрата довольно мрачный. Рыжая борода словно сама по себе светилась на фоне лица, почти такого же белого, как сорочка. Вместе они смотрелись... странно.

Тонечка ещё немного поизучала фотографию.

– Менее подходящих друг другу людей найти трудно, – проговорила она задумчиво. – Где он её добыл, такую жену?..

– Откуда мы знаем, подходят они друг другу или нет, Тоня! Может, они идеальная пара?

– Оно и видно, – согласилась Тонечка. – В любой идеальной паре муж пьёт и дерётся, а жена грозит выложить в сеть побои и закатывает по ночам скандалы. Это показатель идеальности. Ты не знаешь, он родом отсюда, из Нижнего?

– Да. Насколько я помню.

– А она?..

– Давай ещё по одной тяпнем.

Они тягнули – Герман решительно, Тонечка задумчиво.

И перевернула страницу.

Альбом заполняла собой красотка Гелла Понтийская – практически до краёв. Вот зимние забавы – Гелла на фоне снегов в пушистой шапке, губы сильно выпячены, глаза расширены, подбородок задран. Вот рабочие будни – Гелла на фоне гримировальных зеркал, волосы подвиты, губы выпячены, глаза расширены, подбородок задран. А вот заслуженный отдых – Гелла на фоне домашнего уюта, волосы, глаза, губы и подбородок в прежнем виде.

– Сплошные селфи, – констатировала Тонечка. – Интересно, она сама всё это распечатывала и вставляла в альбом или любящий муж?..

Здесь же в альбоме оказалась вклеена статья из цветного журнала. Опять фотографии – Гелла в алом платье с открытыми плечами рядом с кирпичной стеной, Гелла в розовом платье с глубоким декольте вблизи фонтана, окружённая купами роз и примул, Гелла в лиловом платье среди шумного бала, случайно.

– «Мой мужчина очень мужественный, – Тонечка принялась читать наобум, – и в то же время очень нежный. Мы с ним любим дарить друг другу подарочки. И вообще наше любимое времяпрепровождение – посидеть в ресторане, покушать, поболтать, пообниматься и отдохнуть от рабочей рутины, ведь мы оба работаем. Считаю, что на любом этапе важно создавать маленькие традиции, чтобы даже тогда, когда грустно, можно было окунуться в сладостные воспоминания».

– Сладостные воспоминания на этапе? – переспросил Герман. – Занятно.

Тонечка продолжала быстро читать:

– «Я в этот день работала, но успела заехать домой переодеться. Так приятно приезжать в ресторан, где тебя ждёт любимый. Он всегда старается для меня хорошо выглядеть. Знает, что я люблю, когда он выходит ко мне в костюме с шикарным букетом роз. Это поддерживает романтику в отношениях. Мы прекрасно провели вечер. Заказали устрицы, любимый подарил мне платье и колечко. Я тоже преподнесла ему кое-что из вещей. Я знаю его вкус, многие вещи из его гардероба подарены мной... И утро после бурной ночи было прекрасно! Я проснулась в объятиях любимого мужчины. Мы обнимались, прижимались друг к другу, говорили какие-то приятные вещи. Мы не отлипаем друг от друга, прикалываемся, снимаем ролики для ТикТока».

– Экая дичь, – сказал Герман, подумав.

– Тут ещё много всего в том же духе. «Очень приятно, когда мой мужчина встречает меня у трапа самолёта в три часа ночи... Мой мужчина берёт на себя ответственность за меня и не разрешает мне выходить без шапки... Мой мужчина сказал: «Я отвечаю за тебя, хочу быть рядом всю жизнь, давай сделаем татуировки».

Герман вытаращил глаза.

– Видимо, татуировки как-то влияют на ответственность в браке. Саша, как ты думаешь, о ком она говорит, эта Гелла Понтийская? Как её зовут на самом деле?

– Лена Пантелеева.

– Вот о ком говорит Лена Пантелеева? О твоём друге Кондрате? Или ещё о ком-то?.. Кто этот «её мужчина», в объятиях которого она просыпается и сразу принимается снимать ролики для ТикТока? Очень мужественный и в то же время очень нежный?

– Должно быть, про Кондрата она говорит, – пробурчал Герман.

– А что? Похоже?

– Нет.

Тонечка пролистала альбом – селфи всё никак не заканчивались. Уже альбом почти закончился, а селфи всё нет!..

Потом мелькнула почему-то школьная фотография – класс и учительница, все в овалах, и Тонечка захлопнула тяжелую крышку.

– Здесь не хватает профессиональной фотосессии, – сказала она задумчиво. – Студийной. Она верхом на байке, она в ванне, попой вверх, на попе лепестки роз, она в кружевном белье на фоне кактусов.

– Должно быть, ванна и кактусы в каком-то другом альбоме.

Тонечка подошла к окну, отдёрнула штору и посмотрела на здание театра. Снег всё летел, фонари горели, и было очень красиво.

– Нижний – прекрасный город.

– Согласен.

Тонечка подбежала и с разбегу прыгнула на кровать, как раз когда её муж подносил ко рту очередную стопку.

– Ты что?! Я чуть не пролил всё!

– Вот что я тебе хочу сказать, – она подпёрла рукой кудрявую голову и подсунула замёрзшие ступни ему под коленки. – Как сценарист продюсеру. Вся эта история не про убийство и не про покушение. История про враньё.

– В смысле?

– Зачем-то твой друг повар и его знакомая – скорее всего никакая она не супруга – решили разыграть пьесу про убийство. Ты нужен был как свидетель. Но сценарий написан наспех, подготовки у трупы никакой. Всё шито белыми нитками.

– Тоня, что за глупости?! Какой из меня свидетель?! Свидетель чего?!

– Ссоры, – убеждённо сказала Тонечка. – Ты должен был своими глазами увидеть их бурную ссору и потом подтвердить это под протокол.

– Зачем?! Чтоб Кондрата в изолятор сволокли?!

– Саша, ты же понимаешь, он в изоляторе надолго не задержится. Нет тела, как говорится, нет дела! И орудия убийства нет! И непонятно, что там за кровь кругом, чья она и вообще кровь ли это! Он посидит-посидит, да и отпустят его.

– И для чего всё это было проделывать?!

Тонечка пожала плечами:

– Налей мне тоже водки. Есть там ещё? И гренку дай, пожалуйста. Вот увидишь, я окажусь права!..

– Посмотрим.

– Съезжу-ка я завтра на местный телек. Поговорю там с людьми. У них-то вообще должна быть паника – ведущая пропала!.. Они небось её ищут, бегают по всему городу.

– Брось острить, Тоня.

Он сердился на себя, а виновата была она. Он сердился, потому что готов был поверить в то, что Кондрат Ермолаев, старый друг, зачем-то его надул, провёл! Герман знал, что Кондрат ни за что не стал бы ему врать, да ещё так... масштабно, и злился, что Тонечка всё так ловко объяснила!..

– А ты съезди в отделение, – распорядилась она. – Может, тебе разрешат с ним поговорить?.. И ты у него спросишь, зачем он затеял такую канитель!

Но последнее слово всё равно осталось за ним:

– Ты бы лучше сценарий писала, – сказал он с раздражением. – Пользы больше было бы!..

Утром муж уехал, не сказав куда, а жена решила, что работать не станет – всё равно день пропал, голова занята совсем другим.

Она легко разузнала, где именно расположена местная телекомпания, и оказалось, что до студии Геллы Понтийской недалеко, можно пешком дойти.

Тонечка решила, что на телевидении должна выглядеть как столичная штучка, и обнаружила, что «штучные» брюки забыты в Москве!..

Она перерыла свои вещи, а потом заодно и мужнины. Нет брюк, и всё тут!

С нарядами у Антонины Герман были... *особые отношения.*

Собственно, ещё полтора года назад никаких отношений не было вовсе. В отличие от мамы Марины Тимофеевны, которая умела и любила одеваться, Тонечка не умела и не любила. Вечно жаль было денег, вечно возникали «первоочередные траты», вроде зимних колёс, путёвки на море для мамы и дочки Насти, вечно нужно было платить репетитору, кровельщику, автослесарю, налоги, за газ и за свет! А ещё раньше, когда Настя была крохой, нужно было содержать ребёнка и первого мужа, допившегося до психбольницы и санитаров!.. Тонечка зарабатывала неплохо, можно даже сказать – хорошо, но на любовь к нарядам не хватало решительно.

А потом... потом...

Тут Тонечка улыбнулась, села на обувную скамеечку под вешалкой и понюхала мужнину дублёнку, утром он уехал в пальто. Дублёнка прекрасно пахла – им, его одеколоном, машиной, немного табаком.

Муж время от времени покуривал, и Тонечке это нравилось, ей всё в нём нравилось!..

...Потом на ней неожиданно женился самый известный в России продюсер – вот чью дублёрку она сейчас нюхает с таким трепетом!.. И техосмотр, колёса, крыша, налоги, газ и свет из её жизни пропали. Первое время она ничего не могла понять и всё совала ему купюры, а он только поднимал брови и не брал!.. Больше того, всеми этими делами занимался помощник, Герман называл это «подключить административный ресурс».

Тонечка пугалась и говорила, что должна следить за всем сама, а Герман говорил, что вполне достаточно Антона – так звали помощника. Антон был человеком на редкость дельным, налоговые декларации никогда не задерживались, коммунальные счета не накапливались, всё шло своим чередом и даже гораздо лучше, чем когда «следила» Тонечка!.. Доходило до смешного – она приезжала на работу, точно зная, что в машине кончается бензин, а когда вечером выходила и садилась за руль, оказывалось, что бак полон. Это называлось «послать водителя».

«Я послал водителя заправить наши машины, а что тут такого?»

Тут неожиданно выяснилось, что у неё куча денег и ей совершенно некуда их девать! Она купила в дом кофеварку новейшей модели и дивный немецкий сервиз с грушами и яблоками, нарисованными так искусно, что их хотелось немедленно съесть. Поменяла шторы в своей комнате и полки в ванной. Всё это было красиво, конечно, но старые шторы и старые полки тоже годились!..

Когда Тонечка приволокла огромный набор столовых приборов, мать возмутилась и сказала, что приборы в семье серебряные, оставшиеся ещё от прабабушки, и пусть Тоня весь этот новодел спрячет, а потом положит Насте в приданое, когда та соберётся замуж. Настя, разумеется, завопила, что замуж она не пойдёт никогда – что за варварство, насилие над личностью, ещё скажите, что она должна фамилию поменять, как делали, когда в обществе главенствовали мужчины и не было никакого равноправия, да еще

ложки-поварёшки в приданое ей, эмансипированной девушке двадцать первого века, короче говоря, на пустом месте вышел почти скандал и никакой радости.

– Купи себе платье, – посоветовала мать. – У твоего мужа на будущей неделе премьера, в чём ты пойдёшь?..

...И Тонечка купила платье.

Весь год она словно приспособилась к новому положению – когда можно купить понравившуюся вещь и не думать о последствиях, не терзаться, что много потратила, не мучиться от стыда, что потратила на себя, а не на семью.

За этот год стало ясно, что вдумчивый, многочасовой поход по магазинам ну вообще не для неё – она моментально устаёт, раздражается и хочет «на воздух». Зато она поняла, что именно для неё – удовольствие и красота!..

Красота, когда удобно и прикольно, – широкие брюки, яркий свитер, длинный шарф. Удовольствие, когда муж смотрит на неё, уверенный, что она не замечает, а она-то всё замечает!.. Красота, когда продавщица в магазине приносит именно то, что нужно – жилетку, джинсы, парку, подбитую рыжим мехом. Удовольствие, когда она заходит на очередное «совещание сценаристов с продюсерами» и молодые мужики, эти самые продюсеры, улыбаются ей одобрительно и немного игриво. Даже в молодости ей так не улыбались!..

И она полюбила... одеваться. Так, чтоб на неё посматривали и чтоб ей улыбались. Стеганая английская куртка, небольшая сумочка в знаменитую британскую клетку, вельветовые штаны и роскошный свитер – чтобы ехать с мужем в «Сапсане» и чувствовать себя прекрасно. Отличного кроя брюки, ладный жакет, желательно с каким-нибудь «приколом» – рваным краем или искусно перекошенными пуговицами, – плотная футболка, которая так выгодно подчёркивает грудь, – чтобы ходить на совещания или встречи с режиссёрами и артистами.

А тут – о ужас! – брюк-то и нету!..

Тонечка знала на Большой Покровской шикарный магазин. Три этажа набиты невообразимым люксом, зато на четвёртом как раз то, что ей нужно – кашемир, шёлк, шаловливая элегантность.

И Тонечка отправилась за штанами, абсолютно уверенная, что подберёт себе там «что-нибудь ещё». На самом деле ей ничего не нужно, но одна мысль о том, что она может купить вещичку, которая вдруг понравится, поднимала ей настроение.

На улице было серо и сыро.

– Сыр сер, – сказала себе Тонечка, спускаясь с крыльца «Шератона». На самом деле было ещё и скользко. – Обещали же солнышко! Сколько можно, уже полгода живём вообще без солнца!..

Народ гулял по Покровской не торопясь – романтические парочки, бодрые старушки, компании с рюкзаками, по всему видно, туристы. Пробежала девчонка с собакой на поводке, прискакала компания парней, по-лошадиному топя тяжеленными ботинками. Уличный саксофонист старательно выводил рулады, Тонечка подошла и положила в раскрытый чехол бумажку – пятьдесят рублей. Саксофонист кивнул ей и улыбнулся глазами, не отрываясь от своего инструмента.

...Хороший город Нижний Новгород!..

На четвёртом этаже нужного магазина знакомые приказчицы возликовали, и первым делом: не желает ли Тонечка чаю или кофе? А дело-то сразу пошло – ей принесли несколько пар отличных брюк, золотисто-бежевый свитер с высоким горлом и короткими рукавами, короткую кофтенку-размахайку на одной пуговице. Кофтенка была особенно хороша – она вроде бы ни на что не претендовала, но фасон, эта единственная пуговица и какое-то потаённое сверкание тёмно-синего, почти чёрного кашемира делали своё дело, Тонечка глаз от себя не могла оторвать в зеркале!..

В конце концов она взяла брюки и свитер, ей понравились эти короткие рукава, долго вздыхала над кофтенкой – всё вместе выходило дорого, – но, мысленно прикинув свои финансы, решила взять и её тоже.

– Это очень правильно, – приговаривала приказчица, заворачивая покупки. – Не потому, что нам продать нужно, а по-честному – вам так хорошо! И вы носить будете, не пожалеете!

– И нас вспомните, – поддакивала вторая.

Совершенно счастливая Тонечка вышла из магазина, радостно соображая, что сейчас для телевидения она наденет новые брюки и как раз эту самую кофтёнку, и там все упадут замертво!..

Она перешла трамвайные пути и зашагала к отелю, когда из-за кремлёвской башни вдруг выглянуло неожиданно косматое дымное солнце.

Тонечка заулыбалась во весь рот. На улице сразу сделалось весело, словно голоса зазвучали громче, и саксофон запел бодрее, из кондитерской запахло кофе и сдобным тестом – красота!

Тут ей на глаза попала вывеска «Редкие и старинные книги» и внизу помельче «Во двор и направо», и Тонечка решила заглянуть. По опыту она знала, что нынче к «старинным» и «редким» относятся все книги, изданные до двухтысячного года, а не только «Новой и совершенной расчотистой картёжный игрок», 1791. Ей для работы нужен Эренбург, дома он был, разумеется, но с собой она не взяла, и хорошо было купить, а тут он вполне может быть, среди «старинных и редких»!

Она свернула с оживлённой Покровки в подворотню. Промёрзший кирпичный свод был невысок, можно дотронуться рукой, и почему-то здесь гулял ветер и уличные звуки как отрезало, и показалось, что она попала, может, и не в тысячу семьсот девяносто первый год, но уж в тысячу девятьсот пятнадцатый точно! Тонечка сунула нос в воротник куртки, ускорила шаг и почти вбежала во двор. Здесь были навалены сугробы почти до уровня окон, и жёлтая стена с отвалившейся штукатуркой тоже казалась иззябшей, промёрзшей.

Слева в сугробе копошились какие-то люди, Тонечка в первую секунду не поняла, что они делают.

Они молча и сосредоточенно били ногами единственного, корчившегося на снегу. Тот не звал на помощь, не кричал, он

корчился и хрипел. Когда очередной ботинок врезался ему в рёбра, изо рта у него вырывался фонтанчик крови.

– Что такое?! – в бешенстве закричала Тонечка, и голуби вспорхнули с карнизов. – Пошли вон отсюда! Что здесь происходит?!

Они оглянулись, щерясь, как волки.

– Чего надо? – негромко спросил один из них и медленно двинулся на неё. – Не, я не понял, чего надо-то?..

– Не подходи ко мне, – сквозь зубы сказала Тонечка. – Проваливайте отсюда!

– Щас! – шедший на неё усмехнулся. – Как же!

Тонечка лихорадочно соображала, что делать. Защищаться ей было нечем.

...Саша, помоги мне. Саша, я попала в беду!..

Парень подошёл к ней, усмехаясь, и вдруг с силой толкнул в грудь. Тонечка отшатнулась, сделала торопливый шаг, но не упала, удержала равновесие.

Парень засмеялся, предчувствуя забаву.

– Зря ты, тётя, припёрлась, – заявил он, взяв Тонечку за шиворот, – шла бы себе в собес спокойненько!..

Вдруг что-то произошло. Раздался оглушительный рёв, словно сирена завывала, во двор въехала машина, почти перегородив собой подворотню.

– Атас, пацаны! Ходу, ходу!..

Вся стая сорвалась и побежала – мимо машины. Гулко топали тяжёлые подошвы.

Тот, что шёл на Тонечку, тоже побежал прочь, загребая ногами – скользко было!..

Ведомая непонятно каким инстинктом московская сценаристка, которую только что почти поколотила местная гопота, бросилась вдогонку!.. Она настигла «своего», быстрое движение, промельк ног, и тот полетел головой вперёд, ударился лбом в бампер машины, завыл, откатился, ринулся бежать и на этот раз угодил в

открывающуюся дверь автомобиля. Схватился за живот и рухнул на колени, изрыгая проклятия.

– Что здесь происходит? – спросил человек в форме, выскочивший из машины. Вид у него почему-то был весёлый и странно знакомый.

Тонечка показала на парня в сугробе у стены дома.

– Избиение, – сказала она, тяжело дыша. Только сейчас ей стало страшно. – Все на одного.

– А вы кто? Народная дружинница?

– Тоня?!

Тонечка в изумлении повернулась. Возле пассажирской двери стоял её собственный муж Александр Герман, очень сердитый.

– Тоня, как ты сюда попала?! Что тут такое?! Как тебя сюда занесло?!

Она подбежала, намереваясь обнять его, пакет с вещичками, которые так славно было покупать, грозился стукнуть его по спине.

Она обняла мужа и чуть не заплакала. Но удержалась.

Человек в форме взял за шиворот гопника, который вопил и плевался, и встряхнул хорошенько.

– Хорош надрываться, – сказал он всё так же весело. – В ушах звенит!

– Пусти меня!

– Годика через три! – объявил человек. – Будешь свободен! Где тут у нас...

Он полез в машину, не выпуская гопника, вынырнул и ловко приладил наручники.

Тонечка сунула Герману пакет, перелезла через сугроб и подбежала к тому, которого избивали. Он уже сидел, немного покачиваясь из стороны в сторону. Кровь капала из носа, он шмыгал, время от времени утирался ладонью и с удивлением смотрел на кровь.

– Здорово, Родион, – сказал Герман из-за её плеча. – Как сам?..

Парень искоса глянул на него, сплюнул, взял немного снега и приложил к губе.

– Разрешите отрекомендоваться, а то вы меня так и не признаете, – энергично начал тот, что был в форме. – Подполковник Мишаков Сергей Петрович, начальник здешнего ОВД. Мы с вами ещё с Москвы знакомы!

И только тут Тонечка его узнала!

В прошлом году он, этот самый Мишаков, расследовал убийство артистки, которое случилось почти что на глазах у её дочери Насти^[2]!

Страшное дело.

– Саша, – пробормотала Тонечка. – Саша... а... как же? Я ничего не понимаю, как ты здесь?.. Откуда?..

– Так мы пообедать заехали! По старой дружбе! – объявил жизнерадостный подполковник. – Вон мои окна, угловые, на третьем этаже!

Тонечка зачем-то подняла голову и посмотрела на угловые окна.

– Я был у Серёги на службе, – Герман взял её за плечи, повернул к себе и осмотрел с головы до ног. – Ты как?.. Ничего?

– Мы за Ермолая тёрли, – пояснил Мишаков. – Ну, за Кондрата Ермолаева, в смысле. А потом уж и обед, так я Сашку и говорю: поедем, Сашок, ко мне, я тебе покажу, какие хоромы мне местное МВД снимает!

Тонечка перехватила руку мужа и сунула себе в карман. И там крепко сжала его пальцы.

– Вы же в Москве были, – пробормотала она.

– Сюда на повышение кинули, – подхватил Серёга. – Годика на два, на три. Потом полковника обещали и обратно в управление! А ты-то тут как приземлилась, Антонина... как по батюшке тебя?

– Фёдоровна, – хором сказали супруги Герман.

– Я зашла книжки посмотреть, – объяснила Тонечка тонким голосом. – Вон там вывеска «Старинные и редкие книги». Я хотела Эренбурга купить, а тут... такое!

– И наскочила, стало быть, на хулиганствующий элемент! Куда б нам его деть, пока мы обедать будем?.. А! Я его в подъезде к батарее пристегну, и вся недолга!.. А тебя, Антонина Фёдоровна, чего геройствовать понесло? За каким лешим ты погналась-то за ним?

– Как... за каким лешим? Чтоб не убежал!..

– Она такая, – сказал Герман, и непонятно, с досадой сказал или с восхищением, – она может.

– А терпилу ты знаешь, что ль, Сашок? По имени кличешь!

– Да это племянник Кондрата Ермолаева! По крайней мере, говорит, что племянник.

– Да ну-у-у?.. – вдруг поразился Серёга, присел на корточки перед парнем и сдвинул на затылок фуражку. Фуражка настолько ему не подходила, что казалось, он снял её с чьей-то с чужой головы. – За что метелили? Чего не поделили?..

Парень ладонью крепко отёр нижнюю часть лица.

– Да они... закурить попросили, а я сказал, что некурящий, вот они меня сюда затащили и ...

Сергей Мишаков поднялся с корточек и протянул парню руку. Тот уцепился и неловко встал.

– Ну, это ты бабушке своей расскажи про то, как закурить у тебя попросили! Или вон, Фёдоровне! Она поверит!..

– Да чесслово!..

– А документы? – продолжал Мишаков. – Имеются? Или на вокзале украли?

Родион молча глянул на него.

– Ну, и ладненько, – подытожил подполковник. – В отделении разберёмся, пообедаем только. Сашок, вот тебе ключи, третий этаж, налево, а я пока злодея пристегну, чтоб не утёк!..

– Отпустите, – вдруг попросил злодей жалобно. – Я больше не буду!..

– Милай! – душевно сказал ему подполковник. – Знаю, что не будешь, милай!.. И небось не сам удумал, небось заставили тебя дружки-негодяи, а?.. А у тебя отец пьющий и мать больная! И сестра парализованная, как пить дать! Ничего, не дрейфь, годика три, и – на свободу с чистой совестью!..

– Я с вами не пойду, – заявил племянник Родион мрачно. – И заяву писать не стану.

– Ну чё, съел, мент?! – возликовал гопник. – Не будет заявы, понял?! Зато я на тебя жалобу накатаю, без погон останешься!

– Ишь ты, – удивился подполковник Мишаков. – Так может, не было драки никакой? И не бил тебя никто? Просто ребята тренировались, а ты у них навроде боксёрской груши?..

– Подождите, – вмешалась Тонечка. Её опыт общения с правоохранительными органами, а также с преступным элементом ограничивался сценариями – там, в сценариях, они были совсем другими! – Как не было драки? Да они бы его убили!.. Я сама, своими глазами видела!..

– А тебя никто не спрашивает! – заорал гопник. – Ты мимо чалила!..

– Что-то расхотелось мне обедать, – сказал Герман.

– Да ну-у-у, Сашок, – разочарованно протянул Мишаков. – Брось ты, это просто рабочий момент!..

– Вечером приезжай в «Шератон», выпьем. До него отсюда два шага!

– Чего я в «Шератоне» твоём не видел? – пробормотал Мишаков. – И чего это я туда пойду, под камерами светиться?.. Уж лучше вы ко мне приваливайте!..

Он поправил на голове фуражку и спросил Родиона негромко:

– Мамку как звали?

Тот дёрнул шеей:

– Детдомовский я!

– Как звали мать? – повторил Мишаков как-то так, что стало ясно – придётся отвечать.

– Зо... Зося, – выдавил Родион.

Герман и Мишаков посмотрели друг на друга. У Тонечкиного мужа был странный вид, на скулах ходили желваки.

– Я его заберу? – И он кивнул на Родиона.

– Валяй, – разрешил Мишаков. – Только посматривай за ним. И заявление понадобится, привезёшь его, накатаете.

– Будет заявление, – пообещал Герман.

Гопник что-то заверещал, но Мишаков ловко затолкал его в машину, сел сам и захлопнул дверь.

– Без обеда я сегодня из-за вас, черти, – проговорил он, опустив стекло. – Сашок, ты завтра подгребай часикам к шестнадцати, я попробую организовать. До скорых и радостных, Фёдоровна!.. Славная у тебя жена, Сашок. Ты за ней тоже посматривай, чтоб не во все городские драки лезла!..

И внедорожник с синими и красными линиями на бортах стал аккуратно сдавать назад.

– А что будет завтра в шестнадцать? – негромко спросила Тонечка.

– Он обещал мне встречу с Кондратом. Сегодня не получилось.

– У тебя в Нижнем Новгороде полно друзей, оказывается, – заметила жена. – И всё такие интересные люди – повара, подполковники! А ты с Мишаковым с тех пор дружбу водишь, что ли?

– А что? Нельзя?

– Можно, но мог бы мне рассказать тоже! Я его даже сразу не узнала, а вы, оказывается, друзья не разлей вода!

Чтобы отвлечь её, он напустился с упрёками:

– Вот зачем ты полезла?! Ну, ты видишь, дерутся, беги прочь, вызывай наряд! А если б они тебя...

– Саша, ничего не случилось, – остановила его Тонечка. – Где твоя машина? Я думаю, Родиона нужно в больницу.

– Я не поеду, – тут же сказал парень.

Он стоял, держась рукой за вымороженную стену и немного наклонившись вперёд. Стоять ему было трудно.

– До гостиницы сам дойдёшь?

– Я с вами не пойду.

– Ту-ру-ру, – протрубил Герман. – Не хочешь, не ходи. Я сдам тебя Серёге и напишу заявление, что ты у меня банковскую карточку увёл. Подходит?

– Вы права не имеете!

– Только что этот, который тебя чуть до смерти не забил, такую же песню пел о правах. Серёга тебя с ним на одни нары наладит. До суда. Хочешь?..

Парень непроизвольно схватился за разодранную щёку и старательно попробовал языком зубы.

– Пойдём потихоньку, – предложила Тонечка и твёрдо взяла его за руку. – Саша, мой пакет у тебя?

Герман показал ей пакет, подцепил её под локоть и повёл прочь из подворотни. Тонечка волокла за собой Родиона.

Таким порядком – Герман, за ним Тонечка, то и дело подъезжавшая, чтоб не упасть, и парень, которого она не выпускала, – кое-как дотащились до подъезда «Шератона».

– Я не хочу, – забубнил парень, когда они поднимались по ступенькам, – я не хочу, не могу, мне нельзя туда!..

Герман затолкал его в лифт и сказал с неожиданной злостью:

– Ты мне надоел!.. Или ты делаешь то, что я говорю, или я перестану с тобой возиться и правда сдам Серёге, подполковнику Мишакову. Куда ты мою карточку дел?..

– Я не брал!

Они зашли в номер. Парень смотрел в пол, только один раз стрельнул по сторонам глазами. Тонечка незаметно улыбнулась. Стянула куртку, зашла в ванную и открыла воду.

– Иди, – велела она парню. – И мойся как следует, от тебя воняет. Одежду оставишь на полу. Шампунь и мыло с правой стороны.

Парень заглянул в ванную, а потом посмотрел на Тонечку.

– Я не хочу мыться, – осторожно начал он, словно пробуя почву.
– Без разговоров! – отрезала Тонечка. Она умела обращаться со строптивыми подростками.

Она захлопнула дверь в ванную и сказала мужу:

– Саш, нужно сходить и купить ему амуницию.

– В смысле?!

– Одежду, в смысле!.. Напротив театра какие-то магазины. И купи сразу всё – штаны, трусы, футболку, толстовку. Куртку тоже! Зайди в аптеку, возьми мирамистин, пластырь, можно бинт. Йод тоже можно. И обезболивающее самое сильное, что у них есть. Скажи – от травм и ушибов.

Герман помолчал, разглядывая жену, а потом неожиданно сказал:

– Ты хороший человек, Тоня.

Поцеловал её в губы и вышел.

Тонечка походила по номеру, прислушиваясь к шуму воды, позвонила на ресепшен и попросила, чтоб открыли смежную комнату – Германы занимали часть огромного номера.

– К Александру Наумовичу неожиданно приехал племянник, он поживёт с нами какое-то время, – объяснила она. – Разумеется, мы доплатим.

Вода всё лилась.

Откинув занавеску, Тонечка немного полюбовалась на театр – так красиво!

...Куда они денут мальчишку вот хотя бы на остаток дня?.. Она собиралась на телевидение, и надо бы сходить, разузнать про Геллу Понтийскую, в миру Лену Пантелееву! У мужа тоже наверняка какие-то свои загадочные дела – повесть «Военная тайна»! Оставить в номере невозможно, он ещё что-нибудь утащит и смоеся, взять с собой – тоже вряд ли, он едва на ногах стоит!..

...И вообще – как они во всё это ввязались?!

Тонечка посмотрела на свой закрытый ноутбук. Там внутри, в тексте брошена героиня, в самый опасный и критический момент! Тонечка была уверена, что вскоре вернётся и сможет ей помочь, а

вот уже сколько времени прошло, а она всё не возвращается и не помогает. И даже не знает, что там происходит, в её истории! Она точно знала – что-то происходит, так не бывает, чтоб брошенные на полуслове герои замирали, как в игре «Море волнуется», и ничего не делали. Чем-то они заняты, о чём-то думают, чего-то боятся или ждут, а она всё никак не придёт к ним на помощь!..

...Прав Саша, нужно сидеть и писать, а не болтаться по Нижнему Новгороду в поисках приключений!

Но как же не болтаться, если всё так запуталось? Просто насмерть!

Однажды собака Клякса утащила из бабушкиного вязания клубок какого-то редкого и дорогого красного мохера. Должно быть, Кляксе понравилось, что он мохнатенький, как и она сама! Клякса долго и вдумчиво его слюнявила и запутывала, катала по полу, а потом забыла возле дивана. А бабушка почему-то решила, что клубок взяла маленькая Тонечка, и заставила внучку распутывать. Маленькая Тонечка обливалась слезами, уверяла, что ни при чём, но бабушка была неумолима: провинилась – исправляй! Тонечка мучилась с клубком дня два. Её не выпускали на улицу, после завтрака она садилась и принималась за клубок, который от её усилий стал уж вовсе ни на что не похож! Бабушка сидела рядом, посматривала поверх очков и ничем ей не помогала.

Потом из города приехала мама, выбросила ненавистный клубок и купила бабушке новый мохер!

Вот и сейчас всё запуталось примерно как тогда – что произошло в доме Кондрата Ермолаева, куда подевалась его жена, откуда взялся племянник Родион, и самое главное, при чём тут её собственный муж, столичный продюсер и режиссер?!

Стукнула дверь, явился продюсер и режиссёр.

Он сразу постучался в ванную, велел парню заканчивать водные процедуры, повытащил из пакетов барахлишко, поотрывал ценники и сунул ком вещей в приоткрывшуюся щель, из которой сразу повалил пар.

– Я сказала, чтоб ту комнату открыли, – проинформировала Тонечка.

– Зачем?

– А где он будет жить?

– А что, он с нами будет жить?!

Она пожала плечами.

– Саш, пока твой друг Кондрат в отделении, видимо, будет.

Герман подумал немного.

– Я не хочу.

– Можно подумать, что я хочу!.. Это ведь ты меня втравил в... поездочку! Лучше бы в Италию полетели.

Парень выбрался из ванной, зашел в комнату и остановился посередине, свесив длинные худые, как у недокормленной обезьяны, руки.

Германы на него оглянулись.

Он был чистенький, отмытый – и совсем другой. У него оказалась славная, совсем детская мордаха, острые скулы – на левой растекался фиолетовый синяк, – пухлые купидонские губы, зачёсанные назад волосы начали уже подсыхать, кончики завивались. В серой футболке и широченных камуфляжных штанах, страшно модных.

Тонечка быстро взглянула на мужа, хотела было спросить, зачем он купил парню брюки «Стоун Айленд» за бешеные деньги, но не стала.

– Саша, собери его старые вещи в пакет, – распорядилась она, – их нужно отдать в стирку.

– Их нужно выбросить.

– Ну, выброси. Садись, Родион, я тебе заклею здесь и вон на щеке. И рёбра как? Целы?

Он дёрнул тощей шеей.

– Не знаю.

– Больно? Сильно?

– Терпеть можно.

– Тогда терпи.

Тонечка залепила царапины – на щеке и под глазом, – залила антисептиком губу. Парень шипел и мотал головой.

– За что тебя били? – спросила Тонечка, проводя все эти манипуляции.

– Так просто.

– Так просто не бывает.

– А ты откуда знаешь, тётя?

– Я всё знаю. Ещё таблетку, вот эту.

– Да не буду я пилюли глотать!

Тонечка улыбнулась – «пилюли» слово её мужа.

– Придётся.

Она налила воды и, стоя над ним, контролировала, чтоб проглотил, а не держал за щекой.

– Вот молодец. Теперь расскажи мне, как ты попал в дом Кондрата Ермолаева.

Вернулся Герман. Он и вправду ходил к мусорным ящикам во внутренний двор отеля.

– Кондрат сказал, что ты будешь только через три дня, – с порога начал он, услышав Тонечкин вопрос. – Почему ты приехал раньше?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Пояс
Ориона

1

Роман «Серьга Артемиды».

[Вернуться](#)

2

Роман «Серьга Артемиды».

[Вернуться](#)